

Татьяна Кадулина

Проклятый
берег

Татьяна Кадулина
Проклятый берег

«Автор»

2023

Кадулина Т.

Проклятый берег / Т. Кадулина — «Автор», 2023

В Низовке Тверской губернии стали пропадать мужики. Их находят по молодой луне у реки недалеко от ветхого дома бабы Нины и нелюдимо́й молодой падчерицы. Спины мужиков изодраны будто диким зверем, которого никто никогда не видел, а душегубца, несмотря на облавы, за три года так и не нашли. Прознав о том, городская полиция, ведавшая порядком в деревне, отправляет разбираться с «неведомой силой» своего лучшего унтер-офицера.

© Кадулина Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1.	5
2.	7
3.	9
4.	11
5.	13
6.	15
7.	17
8.	19
9.	21
10.	23
11.	25
12.	28
13.	30
14.	34
15.	36
16.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Кадулина

Проклятый берег

1.

Бабка силы не жалела. Коленки у Варюшки теперь были синие, не беда. Но вот правое плечико саднило так, что окно больше девчачьим усилиям не поддавалось. От того Варя скреблась в иссохшую раму словно загнанный зверь:

– Пропала! Пропалаааа!.. – выла она в рукав горячими слезами и старалась не смотреть луну. А луна, как на грех, стояла полная, словно налитая молоком грудь. И свет из неё сочился – затягивал в тугие петли.

Ножки – веточки, веснушки на спине и глаза угольно – чёрные, в отца: вот и вся Варина красота. В деревне её замечали разве что на покосе. Дивились, как ловко падчерица бабы Нины цепляет на вилы и перебрасывает через себя огромные копны душистого сена. Ставили Варюшку всегда со старшими детьми, а выходило, что заканчивала она раньше всех. Мужики – косая сажень в плечах – останавливали работу, мерили тонкую Варю взглядом и звали на гулянья. Гулять Варя в свои почти семнадцать не решалась, и о девушке забывали до следующего Иванова дня.

Дом бабы Нины стоял на окраине деревни Низовки Тверской губернии. Когда разливалась речка Шоша, мутная зелёная вода покрывала всё вокруг, но избу не трогала, и та каким-то чудом стояла сухая. В деревне шептались, будто нелюдимые бабка с падчерицей ворожат, и дом с его жителями обходили стороной.

– Пусть так. – Вздыхала баба Нина, вытирая мягкое козье вымя. По дороге из хлева, она слышала грустный падчерицын вздох и шла запира́ть дверь на сколоченный женской рукой дубовый засов. – Лучше так, чем по миру наша тайна пойдёт.

Тайну эту не зря держали за семью замками.

Сколько часов провела баба Нина, вслушиваясь в ночные шорохи, не счесть. От каждого скрипа из Вариной спальни сердце её ухало в темную жижу страха словно с обрыва. Вот, снова. Пыхтение, сопение. Будто кто возится, борется, выпутывается. Цокот, скрип, тишина. Через вечность, а на самом деле через час, снова скрип, но поступь уже девичья, легкая, шелест одеяла, наконец тишина. К рассвету Нина начинала чувствовать занемевшее тело, ворочаться с боку на бок и молиться: их обычно находили с петухами. Через окошко слышался вскрик, топот, потом женский вой, хлопанье калитками, гул приближающихся к реке возбуждённых голосов, все громче и громче, чавканье увязающих в речной тине сапог, дружное мужское «взяли», плеск воды, бормотание и протяжное женское «Оооооой!». Нина оправляла передник и на ощупь шла в комнату падчерицы. Та сидела на кровати, поджав под себя грязные пятки:

– Я терпела как могла, мам!

– Простокваша на столе.

– Ну дай сказать...

– Шить на тебя! Молчи, проклятая! – Нина взрывалась бранью, еле держась за шершавый дверной косяк. – Как поешь, иди малину собирать, кусты уже ломаются! И ноги сейчас же вымой.

Варя едва успевала скрыться в предбаннике, как толпа деревенских мужиков с вскинутыми на плечи ружьями подходила к забору. Нет, не слышала. Ни драки, ни голосов. А откуда очередной утопленник рядом с её домом – так их каждое лето в эту сторону течением сносит. Что ж теперь делать, чай не новый дом у старосты просить. Мужики, чесали затылки и уходили, а Варя как ни в чем не бывало шла за ягодой.

Вот уже пару лет в Низовке пропадали мужчины. Всегда летом, на полную луну рыбаки находили в реке утопленников. Спины их были исполосованы рваными ранами, как будто кожу драли огромными звериными когтями. Рот и глаза замирали от ужаса, одежда грязная, и деньги, если у утопленников и водились, то лежали в карманах нетронутые. Стало ясно, что не воры промышляют у речки, а дикий зверь. Только облавы не помогали: как не сторожили охотники тот берег реки. А к третьему утопленнику и вовсе заметили, что парней находят, как на подбор: буйных, горячих, пьющих с тихими жёнами, да битыми ребятами. После похорон такие на людях выли белугой, а по ночам облегченно крестились за упокой. Ничто не помогало найти душегубца, и пошла по деревне молва будто сама бесплотная неведомая сила наводит в деревне порядки. Прознав о том, городская полиция, ведавшая порядком в Низовке, усмехаясь, отправила разбираться с «неведомой силой» своего лучшего унтер – офицера.

2.

Хорош был мужик Илья Богомолов. Не в каждой избе мог в рост встать, оглоблей звать боялись – силы в нем было немеряно. Копну золотистых волос назад ручищей отбросит, а рукава у рубашки по швам идут. И глаза голубые, как небо в ясный день. Даже хромота на правую ногу после контузии его не портила. Напутствовал начальник городской полиции Богомолова долго: не задерживаться, дружбу с деревенскими не водить, девиц обходить стороной, первого попавшегося пьяницу привезти судить и дело с концом. Дескать не нравится ему вся эта затея: лучшего подчиненного да не пойми куда. Еще жениться надумает. На что унтер – офицер ухмылялся и по старой привычке рапортовал с безупречной военной выправкой: «Разберемся, ваше благородие!». Расположили его у бездетного вдовца Дрожжина, и едва улеглась деревенская пыль, вздыбленная унтер-офицерским конем, понеслись по Низовке девичьи шепотки. Ну, как всегда. К концу дня матушки недовольно покрикивали на дочерей, а отцы, ругая городские порядки, сплевывали жеванные колосья и сбивались у поля в кучки. Нельзя было такого в деревню пускать, да кто б их слушал. Каждой девке в тот вечер нашлась домашняя работа, отчего вечер стоял непривычно тих.

Выспавшись с дороги, унтер – офицер напрямик пошёл к злополучной избе у реки. Темнело. Земля, у берега после дождя еще влажная, комьями летела из-под сапог. Илья остановился заправить потуже форму, а подняв глаза, увидел странную картину: спиной к нему, по тонкую щиколотку в речке стояла девчонка. Мокрые черные волосы метал ветер, белое платье липло к бедрышкам, будто в нем в воду ходили. Богомолов решил справиться у девчонки о хозяевах дома.

«Не подходи, Илья Иванович» – Неожиданно раздался у уха женский голос. Офицер остановился, отмахнулся от голоса будто от шмеля. Покрутил головой по сторонам: пусто. Почудилось. Вокруг ни единой души, только девчонка в воде не то дурачится, не то танцует, раскачиваясь беззвучной музыке в такт. Богомолов шагнул к реке и снова:

– Не подходи, говорю!

– Ишь ты, что такое? – Крикнул Илья негромко куда-то вверх, вспоминая, где ему могло напечь голову. Отец его воспитал набожным, но не суеверным: «Баба пусть в домовых верит, коль заняться нечем, а мы – только в крест». Илья быстрей зашагал к реке, ругая Дрожжина, заколотившего окна после смерти жены, так, что спать в его доме от духоты было невозможно. Девчонка тем временем, перестав качаться, не оборачиваясь, медленно уходила под воду.

«Вот тебе и утопленники! Сами топятся, черти!» – только и успел подумать Богомолов, увидев, как тоненькая фигурка скрылась из виду.

– Вернись! – Забежав по пояс в реку, заорал офицер. Вот – вот или голова, или белое платье должны были показаться из воды, но вокруг лишь едва колыхалась мутная гладь.

– Не могу, Илья Иванович, вернулась бы, да не могу! Уезжай, нельзя тебе оставаться, и меня не ищи. – Запыхаясь, прошелестел у уха женский голос, и в ту же секунду рядом с офицером взметнулся огромный чешуйчатый рыбий хвост. Мгновение, и мириады брызг из-под его тяжести заслонили все вокруг.

Богомолов искал девчонку пока окончательно не стемнело. Будто во сне метался он по берегу, нырял, в изнеможении садился на берег, скоро же вставал, звал девчонку, сложив ладони у рта трубой, шарил по вонючей тине в прибрежных кустах палкой. Искал у воды, под водой. Пусто. Под конец, не сумев объяснить ничего из увиденного и услышанного, убедил себя, что с дороги это все ему привиделось, и растерянный вернулся в деревню.

Прошла неделя. Днем любопытный офицер выспрашивал у словоохотливых баб деревенскую подноготную. Слушал истории об утопленниках: как жили, да где были перед смертью, какими их находили и когда. Одно к одному шло, что все убийства случались летом на полную

луну. Находили убиенных в одном и том же месте: на берегу Шоши, точно, где офицер видел девчонку. Что до неё – никто из деревенских по описанию не смог назвать даже имя. Худых, темноволосых девиц было предостаточно, только вот все они в тот вечер или сидели дома, или были под бдительным присмотром. В реку же с того берега уже года два никто не ходил, даже утром на стирку – страшно.

«Почудилось, точно. Привиделось. Бес попутал, прости Господи» – убеждал самого себя Илья перед сном. Правда вечерами, смывая ледяной колодезной водой палящее солнце, он на секунду вспоминал раскинутые в стороны руки простоволосой девушки. Они так ясно рассекали в его памяти воздух, будто пытались вытащить и сделать явью давнее воспоминание. То ли танцы покойной матери – шутницы. То ли заигрывания Глафиры – сбежавшей его невесты... Очнувшись, Илья вытирал капли, бежавшие по подбородку, и от навязчивых мыслей отмахивался. Всё от лукавого. К концу недели он наконец толкнул калитку той странной избы на Низовской окраине, рядом с которой находили утопленников. Во дворе его как будто ждали внимательные карие глаза.

3.

– Чай, Илья Иванович к нам пожаловал, – женщина лет пятидесяти перебирала во дворе туюсок смородины. Левая рука с синими кончиками пальцев застыла с горстью ягод. Мокрые светлые пряди волос выбились из-под набойчатого платка, надетого без берестянки, и прилипли к вспотевшему лбу. Щеки – гладкие, но тусклые, больные. Фигурка ладная, но будто сухая. В девичестве женщина явно слыла красавицей, но сейчас пышный цвет буквально смывало с её лица и тела смертельной тоской.

– Здравствуйте, я к вам...

– Заходи, батюшка, заходи, – женщина пошарила рядом с собой свободной рукой по лавке, проверяя, есть ли место рядом, и знаком пригласила Богомолова сесть.

«Слепая что ль?» – подумал он.

– Слепая, слепая. Дивится нечему, отец мой, неужто тебе в деревне не сказали?

– Не сказали, – Богомолов недоверчиво всмотрелся в глаза женщины: пустой, обращенный не к свету, а к звукам взгляд. Точно слепая. – Вы – Нина Ковалева?

– Я.

– А муж ваш? – Богомолов огляделся: изба деревянная в три окна, сенца, двор, амбарчик. Издалека было видно запустение в хозяйстве, отчаянно лагаемое женской рукой. Двор едва держался, в маленьком хлевишке от силы поместилось бы три овцы.

– Гей, давненько, я смотрю, обо мне народ не справлялся. Муж мой, Иван Ковалев, года два, как умер.

– А живете с кем?

– С Варюшкой, дочерью Ванечки от первой жены, тоже покойной. Хорошая девочка, хозяйственная, добрая, тихая. Семнадцать лет ей вот исполнилось.

Она замолчала. На серый подол холщового сарафана из сжатого кулака закапал черный ягодный сок. Богомолов, хотел было сказать про сок, но что-то под ногами бабы Нины блеснуло на солнце. То ли монета, то ли пуговица.

– Ой, слепая, что натворила, а! – Хлопнула себя по коленям баба Нина и принялась на ощупь вытирать рукой с подола ягодные струйки.

– Где падчерица ваша? Варвара? Вам бы руки помочь вымыть, – Богомолов решил воспользоваться случаем, но не тут – то было.

– Варя моя в лесу, не надо никого звать, сама слажу. Не впервой. Не серчай, Илья Иванович, но рассказывать мне нечего. Про тех утопленников ни сном, ни духом. Сам видишь: хотела б видеть, да не могу. – Баба Нина кое – как утерла руки, отставила ягоду и босыми ногами зашлепала к избе.

Богомолов наблюдал за ней. Всё здесь было тихо, тяжело и смирилось с положением слепой вдовы с падчерицей на руках. Только вот непростой быт баба Нина держала в маленьких кулачках уверенно и крепко, мужику тут места не было. Словно в подтверждение неожиданно поднявшийся холодный ветер хлестнул унтер – офицера по щеке. Он опомнился, поковырял носком катаного сапога землю, там, где блеснула монета. Из серой пыли показался металлический бочок медной пуговицы. Такие пришивают в армии на шинели. Странно. Богомолов поднял бледно – розовую натертую пуговицу и осмотрелся. Взяться с мужских одежд ей в этом женском царстве неоткуда. Вздохнул: «Значит, врет».

Ветер усилился, сорвал с Богомолова шапку и вихрем унес её за околицу. Он выбежал со двора, и, поймав шапку, оглянулся хмуро, сощурился, закрывая глаза от солнца: во дворе было пусто. Видимо, женщина зашла в дом, разговор за тем был окончен. Возвращаться не хотелось, да и не за чем. Баба Нина хитра. Не даром её не любили в деревне, хоть и причин не мог назвать никто. «Странная», «бедовая» тянули бабы на улице. А вот про падчерицу ни

слова. Обучалась ли грамоте, сватались ли к ней – никто не знал. Будто и не девица вовсе, а эдакий бесплотный дух. Только своячницы Дрожжина, которых к Богомоллову не подпускали, шептались, будто падчерица и не родная дочь Ковалевых вовсе.

– А чья? – бросал за отцовское плечо им Богомоллов.

– Водяного! – разливались девушки в звонком хохоте. Вот и пойдя, пойми, где здесь правду сыскать.

«Укрывает, – думал по дороге домой Богомоллов, – Укрывает беглого преступника, который здесь промышлять взялся. Может по доброй воле, может боится. Только вот страху в ней ни на грош». Пройдя половину пути, Богомоллов решил вернуться реке. Брать преступника, и дело с концом. Он свернул с доброй дороги на кривую тропинку, ведущую к берегу. Утром перед зноем шел дождь, и сейчас от полуденной земли до сих пор опьяняюще пахло крапивой и кашкой. Берег был непривычно тих. Так тих, что Илья с досады сел на влажную землю. Возьми любую другую деревню, любой уезд – мелкое место реки в это время будет усыпано ребятней. Мальчишки будут дразниться, шуметь, таскать у девчонок в кусты сарафаны. А тем, со стиркой, купаться и вовсе не велено, но уж больно хочется, и как домой идти непонятно. Илья встал, осмотрел рябоватую темную гладь реки. Никого. Солнце начинало палить шибче, суконная шапка с мерлушковым околышком от зноя не спасала, наоборот. Илья лег на мягкую прохладную траву и закрыл глаза.

«Место хорошее, а слава у него – брось. Да и не только слава», – успел подумать, как вдруг голос рядом пропел: «Вот и свиделись».

4.

- Батя!
- Чего?
- Вырежи свистульку!
- Да ну тебя.
- Ну, батя, ну вырежи, а! Ну, вырежи!

– Ишь ты, сейчас как возьму прут... – Иван Богомолов потряс громадным кулаком в сторону сына и пошел за прутом. Восемилетний Илюшка побежал за ним, шлепая по мокрому песку босыми грязными пятками, чтобы подсмотреть, как батя небольшим топором будет обколачивать ивовый прут, снимать «чулком» нежную кору и затем протянет сыну свистульку.

Унтер – офицер открыл глаза, отодвинул с лица шапку, резко сел. В руках у него была детская свистулька. Но что удивительней: спрятавшееся солнце загоразивал старик.

- Батя?! Ты чего здесь?

Стариком отца Богомолов совсем не помнил. Тот ушел сразу за женой, молодым, только – только Илье исполнилось семнадцать. Лихой удали, силы, доброты был мужик. В своем доме вникал в каждую мелочь, каждая овца имела у него имя. Вся деревня ходила к Богомолову просить совета, да делиться страдой. Жена – красавица нальет тебе из глиняного кувшина домашнего пива, посадит на лавку, уведет маленького сына, а Иван, слегка ссутулясь, сядет рядом – слушать. За лучший янтарный мед, дух от которого не выветривался целую зиму, да за душевность любила Богомоловых вся деревня, пока из них не остался один Илья. Тот, потеряв обоих родителей разом, горевал долгие годы. Только спустя пять лет наконец задышал, оклемался, задумал жениться, а то даже ложка каши иной раз вставала поперек горла.

И вот сейчас младший Богомолов сидел от знакомых сторбленных плеч на расстоянии вытянутой руки. Отец состарился: будто он и не он одновременно. Ноги, тощие, узловатые обуты в ивовые грубые коверзны – лапти из мочала. С полов рубахи капаят грязные капли. На руках отросли синие крючковатые ногти. Волосы длинные, седые спутались клоками. Только вот глаза такие же голубые и добрые, только будто водянистые и припухшие слегка.

– Шш, – старец, приложил палец к мертвенно-белым губам, – не шуми, чертов конь, слышь, скачет.

– Сом? Батя, ты чего? Пусть себе плывет. Ты как здесь? Неужто свидиться пришел ко мне, – Илья встал, посмотрел сверху вниз на старика и тронул было его за плечо, но тут же одернул руку. Под белой рубахой была не человеческая плоть, а мягкая, булькающая жижа. Старец оскалил скверные зубы, сверкнул мутными глазами и, вмиг переменявшись, произнес глухим скрипучим голосом:

- Посули.

Илья начал было осенять себя крестным знаменем, но неведомая сила будто держала его за руки. Старец сделал шаг назад, и из рубахи вывалилось безобразное брюхо.

- Посули, – ребячливо протянул он.

Илья отступил. Вокруг было тихо, трава послушно гнулась от легкого ветра, птицы умолкли, только вода в реке перешептывалась плесом.

- Что тебе, бесова тварь, от меня надо?

- Посули мне дар, Илья Иванович, тогда отпущу. Глянь – ка, куда тебя занесло.

Вмиг Илья почувствовал воду в сапогах. Станным делом вместо шелковой поляны у реки оказались они со старцем по щиколотку в воде среди тростников и осоки. Дед, еще больше сторбившись и пританцовывая, хлопал в ладоши: «Приходите на Илюшку смотреть». Воду вокруг стало пучить, показались рыбы головы.

- Посули. Посули. Посули. – Слышалось со всех сторон.

Диво, но Илья начал уходить под воду, словно стоял не в резвой, впадающей в Волгу Шоше, а посреди болотной топи. Не чувствуя ног, унтер – офицер замолотил по воде руками. Край её уже доходил ему до груди. Сила, тянущая Богомолова вниз не ослабевала, наоборот. Сопротивляться ей было почти невозможно.

– Посули! – Ехидно тянул старец и все рыбье стадо будто вторило ему. – Посули!

Все это было похоже на дурной сон, и Илья вертел головой, силясь проснуться. Вода уже покрывала ворот его рубахи. Старец уселся на воду, будто на невидимый трон, рыба, давя друг друга, сгрудилась по обе стороны от него. «Водяной!» – только и успел подумать Илья, как сила рывком утянула его под воду. Дышать было нечем, глаза в мутной воде едва разбирали полоски пробивающегося солнца, ноги, намертво связанные, уже касались дна. Ждало его не пробуждение, а верная гибель. Звать на подмогу было поздно.

«Посули пуговицу!» – послышался где-то у уха женский голос. Уже обессилевший от сопротивления, Илья не понял, о чем он. «Отдай ему пуговицу, которую во дворе нашел», – послышалось снова. Илья не сразу нащупал карман, но, поборовшись с мокрой тканью, вытащил-таки медную круглую пуговицу, и, рванул руку с ней из последних сил вверх, наружу. Пути мгновенно ослабли.

– То – то же. – Довольно проскрипел водяной.

5.

Где-то над головой громозвучно запела пустельга. Бледно – голубое небо стягивало облака к закату. Лучи остывающего солнца гладили зеркало реки, оставляя за собой золотистую переливающуюся пыль. Ветер изредка покачивал кроны сосен и морщил водную гладь. Илья поднял тяжелую голову, за ней плечи, собрал под себя локти, оттолкнулся и медленно сел. Голова и шея: будто раскаленный свинец заливали в темечко. Он пытался гнать от себя сон, стараясь дышать глубже, ровнее, но ничего не выходило. Дыхание сбивалось, застревало где-то в груди шерстяным клубком. Попытка встать разлила боль от затылка по шее к самой пояснице.

– Эх тебя, друг мой, как шатает! Чего это ты здесь? – Дрожжин отодвинул доходивший ему до плеч зеленый рогуз, укрывавший полянку, где сидел Богомол, – Ба! Да ты небось из питейного идешь?

Спиридон Дрожжин всю жизнь ловил рыбу на прутьяной самолов – ванды. К ивовым прутьям прилепляли червячков, которыми питается стерлядь, и ставили их на берегу. Дрожжин был умелым вандовщиком, знал, в какое время года подкормить рыбу стрекозой, а в какое – красными жучками. Вот и сейчас он стоял над Богомоловым с небольшим туеском, видно собирал стрекоз на прикормку.

– Не был я в питейном. – Ответил Илья, растирая шею и стараясь меньше смотреть на солнце. – Уснул, видать.

Садиться рядом Дрожжин не стал. Он протянул Илье руку и напряженно всмотрелся в гладь реки.

– Вставай, Илья Иваныч, не дело тут засиживаться. Сумереки собираются.

– А что? Пусть себе собираются. – Илья схватил покрепче поданную руку и, охая кое-как встал. Спиридон протянул ему бурак с домашним холодным квасом, и, медленно отступая от реки к деревне, тихо продолжил:

– Водяной придет позабавиться.

– Какой водяной еще! – крикнул ему в спину Богомол, – Вы тут с ума посходили все, и меня в могилу сведете. Видел я твоего водяного во дворе у Ковалевой.

– Нины что ль?

– Нины, Нины. Ковалева, с падчерицей которая, вон за изгородью дом. Бьюсь об заклад, знает, что тут творится. Ты посчитай, – Илья остановился и показал рукой в сторону дома Ковалевых, – ты посчитай: тут версты нет, а она ничего не слышала, не знает. Думает, небось, управы нет на нее. Так я найду.

– Слышь, Илюша. Ты б это... с Нинкой не связывался. – Дрожжин, не останавливаясь и не поднимая глаз от выжженной солнцем травы под ногами, сплюнул в сторону, куда указывал попутчик.

– С чего это?

– А с того, что хорошая она баба, но бедовая.

– Заладили.

– А я тебе говорю – бедовая. Кого хошь спроси: любой скажет. – Дрожжин ускорил шаг, так что Илья еле поспевал, – Ты вот знаешь, что из той деревни, откуда она к нам приехала тоже мужики пропадали?

– Откуда мне знать.

– Так вот ты слушай. Сама она с верхней Шоши. Село Воскресенское, что через мост, знаешь? Дворов пятьдесят, наверное, в нем.

– Знаю, знаю, и?

– Так вот Нину к нам лет двадцать назад привез её брат и оставил здесь у Остафьевых на попечение. Вроде как у господ в доме работать. Было ей уже лет тридцать, красивая баба – кровь с молоком, волосы черные, как уголь, ресницы такие, ух, – Дрожжин сжал кулак и потряс им у лица. – Не замужем. Остафьев Григорий, барин, глаз на нее сразу положил, не успели телеги снять. Ну и к зиме понесла Нина ребятенка, чьего она не говорила. Брат её больше к нам не являлся, других родственников никто не видел. Дворовые девчонки помогали ей понемножку, зная Григорьев характер. Жалели дуру. Зато с другого берега бабы стали приносить, мол, как Нину из Воскресенска увезли, так перестали там мужиков-утопленников находить у речки. А пока жила там – вот уже лет пять, как пропадали.

– И?

– Ты мотай на ус, Илья. Поспрашивай про Гребневых Сашку, про Ваньку Косматого. Все из наших, пропали в тот же год, что её привезли. Да что далеко ходить. Муж её, Петр, как думаешь умер?

– Утопился поди, – усмехнулся Богомолов.

– Верно. И жена его, первая, тоже.

– От которой дочь осталась?

– Какая дочь?

– Падчерица Нины. Варвара, что ль. С кем сейчас Нина живет. – Илья остановился, нащупывая неизвестно откуда всплывшие воспоминания о сне про водяного и пуговицу. Воспоминания были неясные. Илья пытался уловить, что именно видел, но бродил как в тумане и помнил лишь ощущения. На кончиках пальцев осталась только гладкость круглой пуговицы и холод плеча старика, под кожей которого булькала жидкость. Больше ничего. Дрожжин, приняв растерянность офицера за озарение, остановился, поправил шапку, отхлебнул квасу, утер рыжую бороду и протянул бурак:

– Будешь? Варвара-то не дочь им обоим. Сиротой забрали, когда той было годков шесть. Отец ейный, Серафим, покойный. Ох и лютый был мужик, гонял семейство по всей деревне, что зимой, что летом. Никого не боялся. Да никто и не пытался супротив него идти. Огромный был, как медведь. Вот в один из дней дом и поджёг, хотел семью спалить, да только сам и не выбрался. Никто не выбрался, одна девчонка осталась. Ковалевы, бездетные, её к себе и забрали.

– Как это бездетные? Она же понесла, сам говоришь, от барина.

– А. Не донесла. До срока разродилась – не выжил мальчишка. Остафьев её в ту же ночь велел из дома гнать. Так она тут и оказалась. Ковалев, вдовый ходил, ему к лету хозяйка нужна была, так и поженились.

– Умер он у реки?

– У реки, у реки.

Дальше до деревни шли молча.

Илья встал на рассвете. У бабьего кута рядом с печкой уже рубили капусту на пироги сестры Дрожжина. Стараясь никого не беспокоить, тот вышел во двор и плеснул себе в ковш студеной воды. Не успел он поднести воду к губам, как откуда – то издалека сначала тихо, а потом все пронзительней стал разноситься по деревне женский крик. Крик затих всего на секунду, и Илье почудилось будто туманное утро с его росой на кончиках листьев и жужжанием пчел в яблоневых ветках остановилось. Но крик послышался снова, и уже не один, а несколько голосов приближались к дому Дрожжина и тянули страшное. «Утопили!».

6.

Гул все нарастал, и было ясно: несется он к дому Дрожжина. Во двор начали выскакивать девки, на ходу вытирая руки. Расталкивая их, появился заспанный Спиридон в одном зипуне и портках. К дому первыми подбежали полуголые, согнанные с печей ранним известием, ребяташки. За ним неслись сосед – охотник и рыжие братья Ивановы, стерегшие по ночам табун. Следом во двор ворвались кое – как одетые Ефросинья Маклакова с мужем.

– Отец наш, – задыхаясь проревела Ефросинья, падая перед Богомоловым на колени, – спаси, отец наш, Илья Иванович! – Проорала она из последних сил и упала в руки едва подоспевшему мужу. Тот растерянно схватил бесчувственную Ефросинью и поднял на Илью враз выцветшие глаза:

– Феденьку утопили!

Тут же во дворе Дрожжиных началась суматоха. Бабы вскрикивали, роняя руки на подолы сарафанов, потом закрывали рты, хватали спящих ребяташек и тащили в дом. Девки тоненько выли, мужики ругались, сплевывая на дёрен. Кто-то стоял молча, закрыв глаза. Кто-то, наоборот, принялся всенародно кричать, воздевая руки к небу. На таких Дрожжин шипел: «Цыть!» и велел убираться с глаз долой. Богомолов заметил, что люди стали прибывать. Он стоял рядом с Маклаковыми и пытался выпросить у них про сына. Отцу поднесли выпить водки, Ефросинью кое-как привели в чувство, и теперь она сидела, безжизненно глядя перед собой. Но ни один из них так и не смог толком объяснить, что случилось. Худо-бедно выяснилось, что нашли старшего из детей Маклаковых, семнадцатилетнего Федю, охотник и шедшие за ним с ночного выпаса Ивановы рано утром, едва принялась заря. Старый седой охотник, хромой на левую ногу, так отчаянно звал на помощь, что братья ринулись к злополучному берегу, хоть раньше и обходили его другой стороной. Младший из Ивановых, что побойчее, рассказал, мол Федька лежал в камыше ничком. Рубаха на нем была изорвана, спина и руки в царапинах, голова мокрая. Охотник велел на тело не смотреть, а звать бегом на помощь. Сам он, ругаясь беспрестанно, добавил, что рот у парня был открыт, будто мальчишка пытался хватать им воздух. На этих словах Ефросинья снова упала на колени перед Богомоловым и затянула: «Батюшка, найди! Найди душегубца! Все отдам, батюшка, только найди!».

Унтер – офицер подозвал Дрожжина, и они, не сговариваясь, вместе зашагали к реке. Люди со двора было двинулись за ними, но Илья, резко обернувшись, разрешил идти только отцу и нашедшему тело охотнику. За старшим Маклаковым увязался средний их сын. В дороге отец Феде, красный от слез, рассказывал, что де мальчик его был тихим, спокойным, в драки не ввязывался, иногда оставался работать в городе. Невесты у него не было, рябоват был, да и телом хил. Из друзей – братья да сестры.

– Как он мог оказаться ночью у реки? – Илья понимал, что спрашивать Маклакова за сына сейчас бесполезно, но решил попробовать.

– Ума не приложу! – Воскликнул в ответ тот.

«Ну конечно, все они у вас дороже золота, а как случились что, видеть не видели, знать не знали...» – сердился Богомолов. «От реки до деревни версты три, – рассуждал он про себя, – пробежать может и быстро получится, а вот дойди. Хотя дорога наезженная, хорошая».

– А конь есть у вас? Ездил Федя? Может вы его скотину пасти в ту ночь отпустили?

– Да какая скотина, один у нас, батюшка, конь. Старый, гнедой. Мы его только на работы по весне запрягаем.

– Как же это он, получается, пешком сюда ночью добрался. Темно же, хоть глаз выколи!

– На полную все видно, – вдруг вмешался в разговор средний Маклаков, – они и выходят на полную только.

– Кто выходит? – изумились одновременно Маклаков и унтер-офицер.

Мальчишка лет пятнадцати, был так же худ, как брат, но лицом чист. Его узенький подбородочек дергался, видно было: не хотелось выдавать братову тайну. Волосы кудрявые и светлые спутались, и он принялся разбирать их пальцами, переживая за то, что собирался сказать.

– Так, русалки.

– Какие русалки?! – заорал Маклаков. Он попытался было замахнуться на сына, да сил было только что тащить тяжелые ноги.

– Ясно всё. – Вздыхнул Богомолов.

Пацаненок поравнялся с офицером.

– Я не вру! Он к русалкам с весны каждую полную луну ходил. Пели ему они. Хорошо с ними было. Он на одной жениться летом собирался. – Выпалил горячо он, но увидев отца опустил подбородочек к груди и тихо-тихо заплакал.

Илья прибавил шагу, чтобы не слушать ругань подоспевшего Маклакова, и первым добрался до накрытого сукном тела Феде. Всё, как рассказывали: рубаха вся в мелкой ряске, изодрана на спине и рукавах, глаза выпучены. Точно, утопили. Илья накрыл тело обратно, и принялся ходить по берегу, поглядывая в сторону дома Ковалевых. «Конечно, ничего она не слышала, не видела, а если падчерица?» – подумал он, отодвигая руками рогоз. Высокая трава пришла в движение, где-то у кромки река гулко зашлась плесом.

– Кто здесь? – Крикнул Богомолов.

Дрожжин и охотник обернулись, Маклаков сидел над сыном не шелохнувшись. Тишина. Илья шагнул за рогоз, и высокая трава сомкнулась за его спиной. Налетела мошкара и слепни, жужжа, вмиг облепили одежду, пытаясь добраться до плоти. Офицер чертыхнулся и вернулся к реке. К берегу другой дороги не было: тропинка к дому Ковалевых – вон до него рукой подать, и вторая – наезженная колея в деревню.

Федю тем временем отец взял на руки и понес, как есть домой. От телеги наотрез отказался, да и родителю в таком горе никто перечить не смел. Сукном тело было обернуто кое-как, рука парня из-под него свисала и болталась при каждом шаге. Отчего-то от страшного зрелища не мог Илья отвести глаз. Пальцы на той руке были синюшные, запястья грязные, а в ране будто отсвечивало что-то. Вот оно что! Илья крикнул:

– Стойте!

– Батюшка, дай Христа ради, сына отнести оплакать. – оОец, заходясь в рыдании обернулся на Богомолова и присел на одно колено, чтобы отдохнуть. Он обезумевше разглядывал лицо сына через сукно, не замечая ничего вокруг. За это мгновение Илья успел схватить и рассмотреть рану на руке Феде. Издалека Богомолову почудилось, будто из неё торчит чешуя. Но, присмотревшись, тот понял: не чешуя, а чешуйка. Одна, огромная, как монета пяти рублей, с ровными острыми краями и толстой серебристой серединкой. Как её могли не заметить ни Маклаков, ни Ивановы с охотником? Чешуйка в суматохе выпала в траву. Он быстро поднял её, помог уговорить отца погрузить тело на подъехавшую телегу, выслушать подоспевшей Ефросиньи вой и наконец показал находку Дрожжину.

– Эка... – тот утер рукавом проступивший пот от набирающей ход июльской жары, и, вернул чешую Илье. – Точно не рыба. Толстая. У нас таких не водится, не водилось до сей поры. А рыбу я здесь всю наперечёт знаю. Эта точно не ейная. Сам же видишь.

– А чья? Только ты, Спиридон Захарыч, мне про нечистую силу не затягивай!

– И не собирался. Идти пора, полдня потеряли.

Богомолов осуждающе цокнул в спину удаляющегося за телегой Дрожжина, сунул чешую в зепь и снова раздвинул рогоз.

7.

Едва сомкнулись за спиной Богомолова стеною зеленые стебли, слышались возня и шёпот.

- Перестань, – тянул женский.
- Не перестану, – отвечал ему мужской.
- Ну хватит.
- Иди – ка сюда.

Отмахиваясь от мошкары, Илья вслушался в разговор. Голоса раздавались справа, почти у берега, но в этом месте он обрывался скоро, был заросшим и непроходимым, спуститься к воде, а её плеск был ясно различим, не было никакой возможности. Илья вертел головой, при-вставая на носки сапог. Вдруг у берега, где трава росла чуть реже, показалась черная мужская голова. Богомолов вытащил успевший увязть в грязной жиже сапог и устремился к ней. Голоса стихли. В траве замелькали цветастые концы платка, видимо, сидевшая у реки наскоро повязывала им голову. Через пару мгновений головы выросли и явили Илье парня и девушку. Ей было лет двадцать от роду. На полном лице – румянец во всю щеку, веснушки и игривый прищур зеленых глаз. Девушка, наклонив голову, заправляла мягкой ладонью последние рыжие прядки в платок. Мужчина был старше девушки, но ниже её почти на две головы, коренаст, в свежей рубахе, перехваченной пояском. Он едва успел отнять руку от дородной талии крестьянки, и сейчас трусливо заглядывал за спину надвигающемуся Богомолову. Его сапоги с низкими голенищами и новенький армяк, который тот прежде успел подхватить с земли, выдавали человека богатого и, судя по всему, не местного.

– Чего, сударь, изволите, – начал он первым, шагая Илье навстречу, – а? Ваше высокоблагородие? – судя по всему крестьянка успела шепнуть ему, что за человек потревожил их в утренний час.

Илья отвечать не спешил. Он рассматривал укрывшийся в зарослях кукушкиного цвета наскоро сколоченный спуск к воде. Тут было всего несколько досок на бревне, а рядом, нечто вроде скамеечки. Оказывается, эта часть берега давно обжита. Богомолов ухмыльнулся. Обычно Низовские ребята не ходили с девчонками к реке, а после гуляний миловались у старой ветряной мельницы, стоявшей на невысоком холме в трех верстах от раскинувшегося пшеничного поля.

– Изволю искать убийцу старшего сына Маклаковых. – Без церемоний ответил Богомолов, – Слышали иль видели чего? Давно тут сидите? – Обратился он к девушке.

– Кого убийцу? – Выдохнул парень. Его красивое лицо переменялось из надменного в озадаченное. Девушка при этом налилась краской, опустила глаза и оправила запачкавшийся землей сарафан. От Ильи не укрылось, что новость крестьянку не удивила.

– Феди Маклакова. Знаешь такого? – Он встал между мужчиной и крестьянкой. – Как звать тебя?

- Зина.
- А чьих ты, Зина?
- Городецких.
- А! Отец-барский извозчик?
- Да.

Поняв, в какой переплет попала, Зина опустила глаза, прижала подбородок к груди и отвечала тихо. Мужчина смотрел на обоих нетерпеливо, видно было, как в нем росло желание поскорей убраться от реки.

- А вы?

– Григорий Тепляков, прибыл на лето и проживаю в усадьбе Киреевых. Кого говорите убили? Где? Здесь?

Илья прищурился и показал в сторону места, где нашли Федю.

– Крестьянского сына. Смотрите: и полверсты нет. Я вас слышал хорошо, должно быть, вы тоже что-то слышали.

– Я? Ничего, Ваше Высокоблагородие! – Поспешно и обезоруживающе поднял руки Тепляков. – Мы сейчас же покинем это место, чтобы не мешать служить вам нашему Отечеству, а вы сделайте милость... – Он наморщил лоб. – Не рассказывайте никому, что видели нас.

Илья хотел было возразить, но блестящие пуговицы на новеньком армяке Теплякова, холеная кожа и начищенные слугой сапоги остановили его. Стало быть, господа в летних домах уже принимают гостей, ездят на приемы в город, а значит, начальство уже к завтрашнему утру будет бить кулаком по дубовому столу и орать, прояви он сейчас неучтивость.

– Зина, а ты знала Федю Маклакова?

– Знала, батюшка.

– Зачем он сюда ходил, скажешь?

– Нет. Знать не знаю, вот тебе крест!

– Была у него может любовь? Сватался к кому?

– Сватался, было дело. К Таньке, сестре моей.

– И?

– Отказала она ему. Влюблена наша Танька в фабричного одного.

– Тю! И отец позволил?

– «То добро и свято, еже бы оба из воли и из любви сошлись», – она глянула на переминаящегося с ноги на ногу Теплякова, – Так папенька и сказал ему. Папенька у нас добрый.

– И, видно, слепой, – не сдержался Илья.

«Эк я б тебя! – злился он на себя и грозил кулаком в удаляющиеся спины – А наши-то, хороши! Хороши, девки! У! Все как одна: лишь бы из деревни сбежать. Лишь бы к лёгкой жизни пристроиться. Ума нет. Пустят козла в огород, а потом бегают вон, за кукушкиным цветом, да маменькам плачутся. Тьфу!». Илья ругался, утирая пот со лба, и вспоминал, как Глафира, невеста, вот так же по его возвращении со службы стояла, потупив бесстыжие глаза и прикрывая руками огромный живот.

Солнце стояло высоко и пекло нещадно. Во дворе дома бабы Нины не было ни души, только в тени плетня спала разморенная серая кошка. Илья крикнул хозяев, потоптался на месте и напугав кур, проверил амбар и хлев: никакой скотины в хозяйстве Ковалевых, видно, больше не водилось. Ступая как можно громче, он снова обошел двор, постучал, заглядывая в окна.

– Ищите кого? – раздалось за спиной.

8.

Богомоллов обернулся. У плетня стоял босой мальчишка лет семи с тростинкой во рту.

– Хозяев ищут, Ковалевых. Не видал?

– Варю видал. Она на поле обед бабе Нине понесла. Ты иди скорей по этой дороге, – мальчик показал на колею, ведущую к полю, – точно встретишь.

Пацаненок скрылся из виду, и Богомоллов во весь дух припустил за девушкой – одна маленькая фигурка и правда медленно шла вдоль дороги с поклажей в руках. Она выросла перед ним в тот момент, когда Илья обогнул небольшой пригорок. На бегу он столкнулся с худенькой спиной девушки, резко остановился и от неожиданности схватил её за плечи. Девушка сжалась и выпустила прикрытый бурок, расплескав по траве, земле и переднику парное молоко. Илья одернул руки. Варя обернулась, закрывая рот ладошкой, а потом стряхнула с пальцев капли и сердито шлепнула ладонью прямо в вздымающуюся грудь не успевшего отдышаться Богомоллова.

– Ты что?! Это наше последнее молоко!

На ней был привычный для Низовки наряд: белая холщовая рубашка с рукавами широкими от плеча и перехваченными у запястья расшитыми манжетами – брыжалью, простой сарафан, белый передник из пестряди, тоже расшитый по подолу, и лапти с глубоким носом. Волосы сплетены туго, и их полностью скрывал красный платок. Личико у девушки было миловидное, но немного отрешенное, будто замершее. Она говорила сердито, но её высокий лоб, тонкие брови и бледные губы оставались спокойны.

– Простите меня, Христа ради, я боялся вас упустить.

– По-моему, вы хотели меня напугать.

Она осмотрелась, Илья от странной неловкости тоже. Он поднял деревянную крышку от бурака: вокруг основания ручки та была искусно украшена тиснением в виде волн и маленьких рыбок.

– Ты – Варвара? Ковалева?

– Я.

– Слышала про Федю Маклакова?

– Слышать слышала, а знать ничего не знаю, – девушка обернулась к полю, – и что прикажете делать с обедом? У меня были только молоко и хлеб. Маменька злиться будет.

– Я могу купить вам молока. Здесь в любом доме продадут с радостью. Давайте только дом с коровником найдем, – неожиданно смиренно ответил Богомоллов, хотя где-то внутри него росло неприятное чувство будто хитрая девчонка о молоке врет.

– Что ж, пойдёмте тогда до Кривошеевых, близехонько здесь.

Она немедленно успокоилась и пошла очень скоро первой, показывая дорогу. Подниматься пришлось в горку. Девчонка едва доходила унтер – офицеру до плеча, но шла проворней, ловко поднимая руками подола юбок. Илья же чуть отстал, и в мыслях не сразу заметил, что любит открывающимися тонкими девчачьими щиколотками.

– Поскорей, Илья Иваныч, обед ждут, – обернулась она, усмехаясь уголками губ.

– Откуда ты меня знаешь?

– А вас все тут знают, – она помолчала, – красивый ты, вот девчонки и шепчутся. Привык поди?

– К чему это?

– К толкам. – И Варя тихонько рассмеялась, закусывая концы платка.

«Играть вздумала, ну я покажу тебе, бесстыжая» – пронеслось у Ильи в мыслях, когда они подошли к добротному сосновому срубам с небольшим навесом, принадлежавшему Криво-

шеевым. Услышав просьбу служивого человека, хозяин сразу окрикнул жену, и та вынесла во двор молока, хорошего квасу, несколько ломтей пшеничного хлеба и миску квашеной капусты.

– Чем богаты, ваше благородие! – улыбалась женщина, помогая Варе уложить провизию.

Обидевшись на предлагаемые офицером деньги, Кривошеевы ушли в дом, и Богомолов с Варей зашагали обратно. Женская половина Ковалевых были не робкого десятку. На все вопросы о Федоре, реке, убийствах и прошедшей ночи Варя отвечала прямо и глядя в глаза: ничего не слышала, ничего не видела. Невыносимый полуденный зной путал мысли. Богомолов злился, краснел и пытался не ловить выглядывающие из-под сарафана, вышитого по подолу красной бумагой, щиколотки. Он переменил тон, стал задавать вопросы чаще и резче, но Варя ничуть не смутилась, отвечала прямо и без всякой осторожности с достоинством невинного человека.

– А ты часто к реке ходишь?

– Часто. Стираю, там и скамеечка есть.

– Говаривают, там и русалки есть. – Илья заглянул Варе в голубые почти прозрачные глаза.

– Бог с тобой, – она улыбнулась, – никого там нет. До свидания, Илья Иванович.

Правда при упоминании о русалках она украдкой осенила себя двупалой перуницей на старый лад, и от Ильи это не укрылось. Он дождался пока Варя найдет сгорбленную спину бабы Нины и только потом зашагал в сторону деревни. Как только офицер скрылся из виду, девушка бросила корзинку и побежала к реке.

9.

Время несло низовских к середине лета. Июль стоял душный, воздух с самого утра наливался зноем так, что к полудню и до самого заката полной грудью было не вздохнуть. Бабы зря ждали дождя на Макошину пятницу. Теперь к работе приступали засветло, пока марево не начинало жечь придорожные камни. В те дни к полю мужики стягивались невесело. Похоронили Федю Маклакова, и, словно мелкая пыль из-под колес повозки, траурного поезда, – скорбь лежала не смахнутой на плечах односельчан.

На поминках, как водится, собралась вся деревня, но Богомоллов до последней минуты идти не хотел. Скорбящих отца и мать он не знал, траурные шествия с толпой неутешных плакальщиц, уже розовеньких после первой на поминках, ненавидел. Тяжелым камнем легла в душу вина. Но потом услышал, как зовет его, слабо держась за плетень, бесцветная высохшая враз Маклакова, и прийти согласился.

Проводив Федю в последний путь, толпа, пропуская вперед дьячка, расселась вокруг накрытого стола на лавках. Растерянную молодежь, сажали рядом с собой, а не гнали, как было принято. Девчонок с распухшими от слез лицами оттеснили вглубь избы, среди них была и Зина Городецких, там же накрыли и на пустой прибор. Богомоллов сидел рядом с Дрожжиным и смотрел, как медленно от горячей кутьи рассеивается пар.

В середине трапезы дверь скрипнула, и в избу вошли баба Нина под руку с Варей и маленький сухонький старичок, одетый в подпоясанную длинную белую рубаху и серые помочи. Старик снял шапку и, выказав уважение к родителям покойного, получил разрешение пройти с дороги к столу. Варя тем временем усадила мачеху и понесла корзинку со съестным на ссыпчину хозяйке. Поравнявшись с сидящим спиной к ней Богомолловым, она тихонечко тронула его за плечо. Её маленькая ладошка была теплой, как у ребенка. Мгновения, пока кожа не отпустила эту необычную теплоту, Илья сидел не шелохнувшись. Варя тем временем отдала девкам по указанию Маклаковой завернутый в тряпицу горячий пирог и вернулась к своим. Она почти ничего не ела и лишь изредка поднимала глаза на редкие к середине поминок всхлипывания. Федины отец и мать сидели молча и смотрели перед собой, уставившись в пустоту. Старичок, как оказалось – путник, напротив ел много, постоянно утирая от пива густую седую бороду, бойко расспрашивал о Феде и уже скоро сам себе черпал медовухи из выдолбленного в виде плавающей утицы настольного скобкаря. Его умные маленькие черные глаза бродили по гостям, и чаще всего задерживались на унтер-офицере. Богомоллов несколько раз пытался заглянуть Варе в лицо, но тщетно. Она сидела, словно заслонившись старичком, и в сторону Ильи даже не поворачивала головы.

Часом позже, раскланиваясь с родителями, гости стали выходить на улицу. Илья выбрался вслед за захмелевшим Дрожжиным, шумно вдыхая еще горячий предзакатный воздух. Семеро мужиков стояли поодаль и тихонько о чем-то спорили. Старичок тут же во дворе разминал узловатыми пальцами, видимо, добытый у гостей табак. Богомоллов вернулся в избу, быстро обошел двор, даже заглянул в коровник: Вари нигде не было.

– Кого ищешь, Илюша? – вдруг пробормотало нечто у него за спиной и выросло в старичка, едва Богомоллов обернулся. Они стояли одни в закутке между дровником и амбаром, рядом с жухлым смородиновым кустом. Илья втянул полную грудь аромата свежесрубленного слегка прелого дерева.

– Вы зашли с Ковалевыми, Ниной и Варварой. Вот их ищу, не видели?

– Ааа, – старичок растерянно поднёс к носу табак, но тут же убрал руку и болезненно сморщился, – не знаю, не знаю. А пошто они тебе?

Илья не ответил, разглядывая дедовы ивовые коверзны, которые несмотря на сухую безветренную погоду, будто бы были только что из воды. Старик должно быть наступил в лужу

и сейчас переступал с ноги на ногу, оставляя на серой пыли мокрые следы. Неожиданно он повторил вопрос чуть громче.

– Зачем ходишь за ней, Илья Иванович?

– Я? Ты чего, старик? Не за кем я не хожу, меня прислали убийцу найти... Откуда меня по имени знаешь?

– Так жалуются на тебя. Извел их своими расспросами, ходишь к ним, ищешь всё, высматриваешь, будто виноваты они в чем. А они добрые, – старик приблизил лицо к Богомоловой груди и грозно выдохнул табачным духом, смотря прямо перед собой, – не тронь их!

Илья отшатнулся. «Юродивец, видно». Эта мысль успокоила и зарождающееся волнение отступило. Тут старик подался вперед и занес кулаки, но офицер, уже развернулся, чтобы вернуться во двор.

10.

На нем царило необычное для поминок оживление. Молодежь расходилась парами, пока покрасневшие родители теряли бдительность. В хохочущей за амбаром девушке Илья узнал Зину, дочь кучера Городецких, ту самую, что встретил с барчуком на берегу Шоши. Она сидела рядом с двумя мальчишками лет шестнадцати, широко расставив ноги под натянутым коленками сарафаном. От спора на улице становилось громче, в какой-то момент один из мужиков даже сорвал с себя шапку и бросил под ноги. Дрожжин стоял у дороги, и из-за его широкой спины почти не было видно худенькую фигурку Вари. Они разговаривали. Илья поспешил к ним, но толпа вокруг стала смыкаться: то тут, то там его пытались отвлечь, спросить что-то, рассказать, поприветствовать. Добравшись наконец до Дрожжина, Вари он не застал.

– Чего это ты, Спиридон? – раздосадовано кивнул Богомоллов куда-то в сторону.

– Ай?

– Зачем тебе, Ковалева?

– А тебе-то что? – Ответил Дрожжин подняв брови, а потом добавил уже мягче, будто извиняясь. – Ох, ехал бы ты обратно в город, Илюша. Изведут они тебя. Ох, изведут.

– Изведут? Кто?

Дрожжин не ответил, только посмотрел, в сторону реки.

– Я просил Варю за вандами присмотреть.

Илья оправил рукав, и нахмурился:

– Ты же, Спиридон, на тот берег за рыбой не ходишь?

– Как же не ходить, хожу. Просто порядок знать надо.

– Какой порядок?

– А такой. Варя меня научила. Приходить надобно только с рассветом, сначала шуметь немножечко на берегу и только потом идти. А как ванды ставить, у воды надлежит на рыбу разрешение попросить: «Синь – вода, дай мне рыбки деткам на пироги». И кинуть в реку гостинец какой, женский. Я тут зеркальце у старьевщика купил, а на той неделе шелковый платочек был. Клев сам идет, только успевай снимать.

– Да ты, Спиридон, шутишь. – Богомоллов ждал, что тот наконец рассмеётся, хлопнет по плечу и в обычной манере кивнет в сторону дома, мол, пошли уже. И идти всю дорогу молча. Рыбы у воды просить, ну-ну. Дрожжин, однако, стоял, не шелохнувшись, и в сказанном ни минуты не сомневался.

Домой шли порознь. Добравшись уже в сумерках, Илья нерешительно постоял у избы прежде, чем войти. Уже у двери за плечом ему почудилось шевеление. Обернулся – никого. Он снова постоял в нерешительности, держась за ручку и вглядываясь в сероватое небо, раскрашенное полосками янтаря: последние птицы спешили укрыться от темноты. Из приоткрытой двери тянуло сыростью и теплом подгнивающей у земли соломы. Возвращаться в комнату с заколоченными окнами не хотелось.

– Илья... – Тихо позвал женский голос.

У дороги в ярко-красном кокошнике, сороке, как его здесь называли, похожем на полумесяц, обращенным вниз концами, и унизанным жемчугом, стояла девушка. Вместо скромного наряда с поминок теперь на ней была белая рубаха с обшитой воротушкой у шеи, в рукавах которой отливали шелковые полосы. Синий сарафан украшен тесьмой -вьюнчиком красно – оранжевого ситца, широкий пояс обхватывал тоненькую талию. От нарядной Вари Илья не мог отвести глаз.

– Илья, подойди.

Рядом с ней пахло медом, как будто тебя отправили собирать липу за родительским домом. Богомоллов почти не видел её – так путались мысли.

– ...уйди, пожалуйста. Я прошу, уезжай.

– Что случилось?

– Ничего. Жизнь тут такая, Илья Иванович, опасно тут, я вас прошу – уходите.

– Варя, я помогу! Только скажи, кто их убивает. Я найду его, будем судить и вам больше бояться нечего! – Где-то в груди под рубахой непривычно разрывалось сердце, а рядом, с другой стороны, к ней же прикасались маленькие ладони. От них шел огонь, которому Илья сопротивляться был не в силах. Он прижал к себе Варю не всю сразу: сначала запястья, потом локти, плечи.

– Кого ты боишься? – Спросил он, когда в ладонях было её лицо.

– Его. – И дальше торопливо, сбиваясь, скроговоркой, – Не ходи больше к реке, не ищи никого, здесь все по-прежнему останется, несмотря ни на что. Такой порядок. Слышишь, неясить кричит? Она за тобой наблюдает и всё-всё Ему докладывает. Ты шагу не ступишь – он всё знает. Найдет и убьет тебя. Уезжай!

Она закончила, отнялась от груди:

– Закрой глаза, Илья. Это твоя защита.

Послушался. А через мгновение, (мгновение ли?) в его руки лег расшитый тяжелым жемчугом и красной бумагой пояс. И как только это случилось, исчезла будто то был сон: и красивая Варя в нарядной кике, и её большие испуганные глаза. Испарилась, словно липов цвет.

А на другом конце деревни медленно и почти бесшумно в сторону реки шел старик в мокрых коверзнях. У него на плече пела неясить.

11.

Богомоллов искал Варю всю ночь. Бегал в ухающей темноте до реки и обратно. Колотил в задвинутое доской на ночь волоковое окно. Вглядывался в яркие звезды, не разжимая кулаков – боялся, что тепло мягкой кожи навсегда испарится с ладоней.

Обессиленного нашел его Дрожжин в утренних сумерках. Илья сидел на земле, прислонившись к клету – дворовой постройке, стоящей против входа в избу, положив руки на колени. Услышав, как скрипнула дверь, он поднялся, измученно развел руками, будто оправдываясь, и, хромя пуще обычного, молча пошел в дом.

Дни утекали словно вода с колеса водяной мельницы: разбивая любовь и нежность о деревянные лопасти и унося стремительно в запруженную речку. Деревня успокоилась, зашумела привычно. Низовские спешили заготовить, просушить и убрать сено до дождей. Богомоллов вспоминал, как отец в это время, стоя в окутанном горькой прелостью сарае и любуясь вовремя связанными снопами, приговаривал: «До Ильина дня в сене пуд меду, а после – пуд навозу». Никто из детей истинного значения этих слов не понимал, и те дома, где сено стоговали поздно, мальчишки обходили стороной. У Богомолловых, как писано, было не сено, а деревенская перинка, густое и свежее, оно и зимой отдавало солнечный дух лета. Даже повзрослев, Илья любил покосное время: женщины в лучших платьях, в обед соленое сало с пышной наваристой кашей под сенью деревьев, купания, а по вечерам – песни в кружке под гармонику и жилейку. Перед ужином ходили по ягоды. Там, в лесу, опьяненные будущим весельем, парни, играя в горелки, гонялись за девушками, выпрашивая у понравившихся поцелуи. Несмотря на тяжелый труд, молодые упивались свободой: почти не спали, дома появлялись только матери, чтобы проверить в деревне стариков и оставленных на их попечение ребятишек.

По утрам пока шли до лугов Илья всматривался в лица идущих рядом девушек. Вари не было ни когда бабы растрёпывали граблями скошенную траву для сушки, ни когда сгребали просушенное в длинные гряды, ни когда метали стога. Никто о Ковалевых не заговаривал, хоть и работали, как водится, все вместе, споро, торопясь убрать сено пока не начался дождь. Иначе пришлось бы очень быстро собирать в копны только что скошенное непросушенное сено и после дождя снова его разваливать, перебирать и расстилать на солнце. Отцы по утрам крестились чаще – пока погода благоволила. Дрожжин с сестрами поставили в ярд с остальными времянку из тонкого тёса, где деревенские обычно живут в сенокос и прячутся от дождя. По вечерам собирались вместе, слушая, как под общую «Дубинушку» молодые катят к месту, где будет стоять копна, собранное в валы сено. Девчата вздыхали, глядя, как лихо офицер взмахивает косой – литовкой и как ладно стелется скошенная им трава по покосу. Правда заигрывать не решались. Работу Богомоллов делал хмурый, по вечерам прятался в таборе, на гулянья не ходил, только изредка купаться и то один. На работах Илья осторожно всматривался в расширенные подолы сарафанов, напряженно ожидая, не промелькнут ли вслед тонкие щиколотки. На сенокосе Ковалевых не было, и Илья усилием воли отводил взгляд от женского платья. Среди девушек пошли толки: мол заезжий офицер не нашел убийцу, и теперь, отсиживаясь и, помогая деревенским, не знает, как показываться на глаза начальству. От этих шепотков Илья делался еще мрачнее и уходил к реке. Там он садился на знакомую лавочку, еще больше поросшую кукушкиным цветом, и сидел так, пока младшие не прибежали звать его к ужину с той стороны зеленой камышовой стены.

– Где Варя? – не выдержал Богомоллов на седьмой день, когда они с Дрожжиным в сумерках стояли по пояс в реке и натягивали каждый свой конец рыболовной сети – бродца.

– Ааа... – Растерялся Спиридон. Он пытался установить свой край так, чтобы им обоим сподручней было, натянув сеть, идти с ней вдоль берега. Когда все получилось он бросил в воду

заранее приготовленные лапти с онучами, перевязанными бечевкой – На тебе, черт, лапти! Загоняй рыбу! – Пошли что ль. Слышишь?

– Слышу! – Донеслось с противоположного берега.

С этой стороны леса Шоша была резвее, веселее и чище. Мутная вода не застаивалась, как у дома бабы Нина, а бежала, искрясь в последних жарких лучах июльского солнца. Дрожжин любил ловить в этом месте реки на бродец, а не ванды. Они медленно двинулись каждый по своему краю берега, процеживая сетью воду от рыбы будто через сито.

– Илья, – крикнул Дрожжин, – так о ком ты спрашивал?

– О Ковалевой! – Донеслось с противоположного берега сквозь речной рокот.

– Ишь ты. Нина дочь отвезла на ткацкую фабрику. Поселились они где-то в городе. Варю вышивальщицей пристроили. Здесь, в деревне им одним, сам понимаешь, сложно. Хотя... Куда тебе, городскому, понять.

– А чего ж ты раньше не сказал?

– А пошто? Должен был разве?

– Пошто?! Я приехал найти вашего душегубца, а кроме Ковалевых мне о нем и спросить больше не с кого! – Останавливаясь, проорал чуть громче, чем нужно Богомоллов.

– Ой ли! – Дрожжин нетерпеливо ждал пока офицер продолжит ход. – Да не стой, Илья! – Я ж думал ты знал! Миловался с ней после похорон Маклакова, думал, на прощание. Эй! Илья, дурень, да держи ты крепче, сеть спутаешь!

– Это ты, Спиридон, дурень! Ни с кем я не миловался!

– Тпрууу! – На кучерский манер проорал с досады Дрожжин. – Крепи, ваше высокоблагородие, я сейчас за Каликиным отправлю. Разве с городскими каши сварить. Всю рыбу пропустили!

– Я шел в ногу с тобой!

– Да ну тебя. – Прошипел Спиридон, втыкая с силой палку бродца в мокрый песок.

Илья схватил сапоги, стоявшие на берегу, и босой зашагал в сторону деревни, давя пятками отцветающую кашку. Дошел уже затемно. Глухой старичок, на счастье, попавшийся ему у дома, поджег огнивом стоящий во дворе дома Дрожжина фонарь. Илья толкнул незапертую дверь, готовясь вдохнуть кислую вонь подгнивающей у земли соломы, выстеленную по полу ковром. В родном доме Богомоллова, одном из немногих, пол был дощатый, сколочен, так, чтобы хорошо и тепло было человеку. Дети спали на печке, родители на деревянной койке. Пусть в армии спать приходилось, где придется, после увольнения в городе у унтер-офицера была не только кровать, а даже суконное шерстяное одеяло и ситцевая подушка. К обычаю деревенских спать на мешке, набитому соломой, одновременно распаренном печью и подмерзшем от земли, издававшим ужасный смрад от кошачьих испражнений, изредка укрываясь домотканым рядном, а чаще собственной одеждой, он привыкнуть не мог. Дух дома Дрожжина бил Илью наотмашь деревенской неустроенностью, запущенностью. Всего того, что его отец так терпеть не мог в людях.

Поставив фонарь у двери, Илья почувал в доме едва уловимый запах дождя. Полоска лунного света пробивалась сквозь щель одного из заколоченных окон вместе с предгрозовой свежестью. С улицы по стене заскребли когтями. Это влажный ветер трепал ветки стоящих рядом с избой деревьев. Илья, шаря в полутьме, открыл единственный в доме короб с женским тряпьем и вытащил с его дна завернутый в полотно Варин пояс. Расправив во всю длину на крышке короба, он снова принялся рассматривать тонкую работу вышившей его мастерицы. Стежки сделаны твердой рукой. Полотна не видно. Как и привычных для вышивки, веток растений или пышных цветов, коней, всадников. В центре пояса – женская фигура, сидящая в продолговатой лодке, от рук её в разные стороны отходят, словно лучи солнца, нити. Небольшие звери, какие именно Илья, как ни всматривался разобрать не мог, держали эти нити в своих пастьях. Непривычны были и капли мелких гладких бусин жемчуга подле лодки. Раньше им вышивали

кокошники и девичьи венцы. Как-то офицер пытался выспросить у торговков, где нынче вышивальщицы покупают жемчуг, но те только удивленно мотали головами – какими искусными ни были тверские ткачихи, жемчугов здесь не видели уже с десятков лет.

Илья выпрямился, растирая затекшую шею. Лучина в фонаре играла, отбрасывая на стену избы изрезанные тени. Из щели в окне на противоположной стене продолжал струиться лунный свет. Дверь скрипнула. На улице грудь Ильи наполнилась тревожным ожиданием: на небе словно выпученный рыбий глаз блестела полная луна. Не мешкая, офицер побежал к реке.

12.

Средний Маклаков не соврал: дорога до самой реки освещалась так, что было не заплутать. Нога у Ильи ныла. Он останавливался, растирая шрам от контузии и, осматриваясь, шел дальше. Уханье и шелест листьев смешивались в неясный тревожный трепет, вдалеке рычали первые раскаты грома. Богомоллов разглядел протоптанную тропиночку и, отодвинув камыш, шагнул к реке. Влажная холодная трава у скамейки была примята. Отдавал последние краски кукушкин цвет.

Тишина сомкнулась стеной. Грудь Ильи раздирали сомнения, а голову – мысли. Он изредка поворачивался в сторону реки на её успокаивающий плес, а потом снова принимался ругать себя за малодушие. Голоса в голове взывали к разуму: вернуться в город, взять двоих солдат и изловить убийцу, промышлявшего только при полной луне. Потом вернуться в город, выслужиться, взять в жены Катерину, сестру Дрожжина, нарожать детишек. Приезжать летом на сенокос, а зимой спать, укрываясь теплым одеялом и прижимаясь всем телом к красавице – жене, вдыхая аромат у ее ямочки за ухом. Завести друзей среди сослуживцев, ходить раз в месяц в кабак. Илья всковырнул пяткой сапога землю. Как же хотелось прожить полную радости самую простую жизнь.

Детский плач полоснул мысли. Илья резко встал: звук то пропадал, то, будто выныривая, становился на секунду пронзительней. Возгласы доносились с середины реки, и казалось, что кто-то брыкается в воде. В редкие мгновения можно было разглядеть, как белые тонкие обесилевшие руки рассекают черную воду.

"Ребенок убежал из деревни!" – пронеслось у Ильи в голове одновременно с молнией, разделившей внезапно небо. Подгоняя себя, он скинул сапоги, сбежал по шаткому деревянному спуску к реке и, погружая ноги в теплый мягкий ил, поспешил к месту, где видел брыкания. Вода обнимала непривычной теплотой. Он вспомнил, как в детстве отец крепко ругал его за ночные купания. Он не верил в водяных, смеялся над рослыми мужиками, не выходящими в лес после Троицына дня без пучка полыни. В их деревне берег был зыбкий: голые ноги засасывало стремительно, а полоротые мамашки, забыв наказать детям прыгать в воду только с деревянного помостка, едва поспевали вытащить ребятенка из топи. Никакой тебе чертовщины.

"Порядки покосные – оставлять детей на немощных, тьфу, не успею ведь", – Илья, содрогаясь от мысли о том, что придется нырять, плыл к середине, чувствуя, как обе рубахи и помочи плотно облепили тело.

Вдалеке река успокоилась, видно ребенок, устав бороться, медленно шел ко дну. Добравшись до места, где на водной глади еще пузырилась вода, он схватил ртом побольше воздуха и нырнул. В спину офицера с берега пронеслось: "Скорей, Илья!".

Под водой Богомоллов моментально оглох. С усилием открыв глаза, он случайно выпустил носом припасенный воздух. Ниже было не спуститься: он на удачу пошарил руками вокруг себя, вырвался из едва теплой воды навстречу лунному свету, схватил еще воздуха и погрузился снова. Темнота. Как ни старался, Илья не мог различить ни зги. Набрав воздуха в третий раз, офицер решил спускаться до последнего, зная, что с берега скоро подойдет лодка. Пузырить со дна перестало, скорее всего ребенок перестал дышать.

Руки не слушались, но ноги толкали споро. Илье казалось, что плывет он целую вечность, воздуха в груди на обратную дорогу не осталось. Разворачиваясь к свету, он надеялся увидеть очертания лодки, но вместо этого у поверхности воды, закрывая собой свет, ему навстречу плыла огромная рыба. Спустя годы, Богомоллов готов был поклясться, что не смог бы и двумя руками обхватить её толстенное брюхо. Задев Илью холодной чешуйчатой мордой, она ушла на неразлично-темное дно. В темечке застучало, офицер, почувствовав во рту вкус крови, закрыл глаза и вложил последние силы в рывок. Ударившись головой о деревянное дно,

он выплыл из-под лодки на ощупь, ухватился левой рукой за её край. Правая же, наткнувшись на худое безжизненное тельце, не мешкая вытянула его наверх.

Сидевшие в лодке Дрожжин и молодой курчавый парень сначала вытащили щуплого бездыханного мальчишку лет девяти. Богомоллов оставался в воде, знаком показывая им не терять время. Парень кинул мальчишку животом на свое колено, и секундой позже тот уже откашливался мутной водой, заходясь в рыданиях.

Дрожжин смотрел на пацаненка сверху вниз, ожидая момента, когда можно будет вытащить в лодку и его спасителя.

– Успел. Еще б немного.

– Я его не вытаскивал, он сам как-то выбрался. – Илья все еще ждал в воде, когда можно будет наконец забраться в лодку, не потревожив парня.

– Какое там выбрался, ты погляди, мертвёхонек был.

– Спиридон, клянусь, не я его вытащил! Рыба!

– Руку давай. Рыба. Знаешь, кто это? – Понизил голос Дрожжин, – Остафьевский сын. Барчук. Да, да! Не наш, я им рыбу вожу, знаю. Жди завтра приглашения, а там может и прибавки к жалованию.

– Я его не поэтому спасал.

– Чего тебе дома-то не сиделось в ночи... Ну, что? – Он обернулся через плечо. Мальчишку на полу, несмотря на накинутый армяк, било мелкой дрожью. Он силился что-то сказать, но из измученного кашлем горла доносилось только невнятное шипение. – Повезло тебе. Водяного дома не было? Поехали.

К тому моменту, как лодка причалила к берегу, заморосил мелкий дождь. Дрожжин выругался, они вместе с Каликиным только свернули бродцы и шли проверить ванды к дому бабы Нины, когда услышали крик тонувшего мальчишки. Скошенное за сегодня придется просушивать заново. Луну скрыли облака, и неожиданно стало очень темно. В лесу ухала пустельга. Мужчины затащили лодку на берег, когда кучер Остафьевых осветил фонарем заросли камыша. Чуть дальше слышалось волнение, видно мальчишку в помещицьем доме хватились.

Богомоллов уже выбрался, когда сидевший в лодке ребенок неожиданно взял его за руку:

– Вы офицер?

– Да.

– Богомоллов?

– Да. Откуда знаешь?

Неожиданно Дрожжин взял мальчика за бока и протянул его словно мешок обезумевшему от страха кучеру.

– Не усмотрел, батенька! – Тянул тот со слезами на глазах, представляя, какой нагоняй его ждет. – Вез к маменьке евонной, матушке нашей Настасье Львовне, да отлучился малясь. – Не губи! – Бил он себя в грудь, падая на колени перед барчуком. – Не губи, батюшка!

Мальчик в растерянности отступил назад и, снова взяв за руку Богомоллова, притянул его к себе:

– Он её тебе не отдаст.

13.

На следующий день деревня гудела пуше обычного. Сенокосное время подошло к концу, близился праздник, который обычно устраивали по завершению работ. Часть общего луга выделили для оплаты мирского; его косили, а сено продавали в соседнее Воскресенское, чтобы на вырученные деньги отправить старосту за чаем, водкой и баранками на общий стол. Бабы гоняли путающихся под ногами ребятишек, да перекрикивались через плетень об угощениях, которые томились в печах. Мужики на телегах вывозили с полей разобранные времянки. Несмотря на общую усталость, деревенские подхватили молву о том, как унтер-офицер спас барчука и передавали подробности друг-другу в перерывах между укладкой последних стогов сена и разговорами о предстоящем севе озимых. Деревенские с ухмылкой сетовали, что не они в ту ночь спасли мальчишку, того глядишь бы на радостях барин отпустил им часть недоимок. Оказалось, сына Остафьев любил больше жизни.

– А чего он тогда его отправил ночью с одним только кучером? И куда их только черти понесли?! – спрашивал Илья у Дрожжина, слушая шепотки мужиков, обрываемые хрустом свежесушенного сена.

Дрожжин последний раз проверил ось переполненной телеги, окрикнул племянницу, увязавшуюся помогать им собирать времянки с поля и, почесав затылок, ответил:

– А у них здесь недалеко летний дом. Говорят, наемни лекаря туда из столицы заселили. Вот как заселили, так сразу мальчишку и повезли, утра не дожидаясь. Хиленок ребяенок уродился. Да у него и мать, Настасья Львовна, еле ноги таскает. Худюща, в чем душа только держится. Вот Остафьев и лечит их. То одно, то другое. У прошлом годе мы польнь им собирали да сушили. Собирали да сушили. Все лето. Подушки, мол, набивать. До зимы польний дух по избе стоял. Тьфу, ничем не прошибешь его. Бабок-ворожей привозили, знахарей привозили. Кто там только не был в этом ихнем поместье, да всё без толку.

– А болеет чем?

– А, ну как оно. Молчит.

– Как молчит?!

– Ну, немой или что.

– Быть того не может, Спиридон!

– Ась?

– Да, он вчера со мной разговаривал! На берегу. Ужель не помнишь?

Дрожжин высунулся из-за телеги и внимательно посмотрел на Богомолова.

– Привиделось тебе, батюшка, – Покивал он в сторону реки. – не говорит. Отродясь голоса его никто не слышал, а тебе почудилось, с воды – то. – Дрожжин выделил ударением последнее слово и снова замолчал.

– Спиридон, он знал, кто я. – Илья, стараясь скорее закончить мысль, которая приводила его в полнейшее замешательство, понизил голос. – Сказал, что кто-то мне её ... Варю, должно быть, не отдаст. – Выпалил и отвернулся, чувствуя где-то далеко в горле ту неприятную водную речную горечь из вчерашней ночи.

– Да ну тебя!

– Спиридон! Так и было, клянусь!

– Тьфу. Креста на тебе нет, клясться таким, Илюша! – И тут же резко, бросил куда-то за плечо офицеру. – Да чего тебе?

– Григорий Палыч изволил батюшку Илью Иваныча видеть. Васенька только что прибежал, говорит, они в доме старосты. – Катерина стушевалась и, переводя просящий взгляд на Богомолова, продолжила. – Бегите, Илья Иванович, они ждать не любят.

– Ну, беда. – Набрасывая седло на лошадь, по слогам произнес Дрожжин. Он резко стянул ременной нагрудник седла, на лошади так, что та недовольно фыркнула, и протянул вожжи Богомолу:

– Забирай, здесь тебя подождем.

Дом старосты стоял на противоположной от реки, верхней, как её называли низовские, стороне. В нижней, у воды, ставили дома в основном для вдов и солдаток: одноэтажные простые избенки не больше бани. Чуть дальше, по подножию выцветшего холма вверх к небольшой церкви, дома становились шире, о двух этажей, с конюшнями и хлевами для овец и свиней. Офицер спешил к заднему двору одного из домов, на который брезгливо вздернув бровь, махнула шедшая с поля крестьянка. Офицер привязал лошадь к ограде и пошел вокруг. С другой стороны улицы стояли летние дрожки, а рядом с ними, опершись на украшенные причудливой резьбой ворота, стоял молодой парень, видно новый Остафьевский кучер. Услышав шаги, он вздрогнул и обернулся.

– Ты теперь за кучера, я смотрю?

– Так оно. Ваську – то ещё вчера приказчик высек.

– Так и высек? – Нахмурился Богомол. – Что ж за порядки такие?

– А каким им быть? Малец- то чуть не издох по недосмотру.

– Ясно. – Илья вспомнил, какой дрожью било этого Ваську в ожидании расправы над ним хозяев и с горечью отвернулся.

Идти внутрь не хотелось. В деревне ни Остафьева, ни его приказчика не любили. На полях Илья видел, каким трудом низовским приходилось не иметь недоимок: послабления не давали ни старым, ни вдовым. Чуть что – сгоняли в рекруты сыновей. Самого Остафьева в деревне, как понял унтер – офицер, почти не видели, жену и сына едва ли могли описать. Но больше всего грудь Богомолу жгла негласная традиция: всех привозных молодых девок по распоряжению прежде отправлять на услужение в барский дом. История Нины Ковалевой повторялась раз в несколько лет. Настасья Львовна в дела мужа не вмешивалась. Однако, именно ей со слов деревенских приходилось устраивать в городе незаконно рожденных ребятшек и их обесчещенных матерей.

Говорили о барыне много разного, больше выдумки, которыми по обыкновению обрастает самая непримечательная серость жизни господ. Мол сватали молоденькую Настасью Львовну с самого Петербурга. Разорившийся по случаю любви к картам отец её, умирая в нищете, велел своему душеприказчику найти семнадцатилетней дочери выигрышную партию подальше от города и неблагонадежной славы фамилии. Недолго думая, старенький Ефим Игнатьич перекрестил восемнадцатилетнюю Настасью. Легонько держа за кончики пальцев, поцеловал ей сначала одну, а потом вторую холодные ручки, посадил в собранный остатками вещей экипаж, и, выдохнув исполненный неприятный долг, отправил по расхлябанной мартовской жиже прямо с отцовской могилы в Тверь. После скоропалительного сватовства сразу на станции, Настя попала в дом сороколетнего Григория Остафьева и вот уже двадцать лет смиренно к ударам судьбы жила в нём свою тихую жизнь.

Приложившись к нагретому щербатому дереву, Илья толкнул резные ворота, поднялся по ступеням собранного из крупного теса крыльца и тут же столкнулся с вырвавшимся, как сквозняк из приоткрытой двери, незнакомым мальчишкой. Тот был рыжий, долговязый, лицо и руки усыпаны веснушками так сильно, что сквозь них не видно было даже небольшого кусочка молочной кожи. Парнишка подтянул наспех собранные грубой веревкой порты, которых деревенские дети отродясь не носили, всмотрелся в лицо Богомолу и, срываясь на шепот, спросил: «Тятенька, ты – офицер?». Тот кивнул, после чего мальчик схватил не успевшего опомниться Илью за руку и потащил внутрь дома, толкая тяжелые двери и бормоча под нос: «Барин с барыней ждут, скорей пойдем, скорее, тятенька офицер. Сидят ждут. Папенька зазрится будет, достанется ему».

За последней Илью ждала полная людей слабо освещенная солнцем горница. На некрашеной лавке цвета речного песка, обнимая вчерашнего мальчишку, сидела маленькая женщина. Черные жесткие волосы по купеческой моде промаслены и убраны на ровный пробор. Лицо, без румянца, с впалыми щеками, отсутствующим взглядом, бескровными губами, напомиравшее серое самотканное полотно, ничего не выражало. А черное платье с завышенной талией и большим вышитым гладью воротником и вовсе делали бледность кожи грязно-желтой. Руки: одна – на плече сына, вторая – на коленях, лежали плетьюми. Единственным живым во всем ее облике были неловкие поперечные отороченные белым атласом складки платья, растекавшиеся по лавке и волнами бегущие на прогнивший дощатый пол. Мальчишка пошел в мать. Был таким же худым, востроносим, чернобровым и тонкогубым, только не успел выцвести. В теплом армяке ему очевидно было душно: на щеках блеснул нездоровый румянец, мокрые прядки волосиков липли к вискам, а в глазах маятно блуждали озорные огоньки.

В углу о чем-то шептались сгорбленный мужичок в рубахе – косоворотке, по угодливым поклонам видно – староста и высокий дородный мужчина, которого представил раздавшийся подобострастный шепот: «батюшка Григорий Палыч, милостивец наш». Унтер – офицер стащил с головы шапку и неглубоко, лишь немного подавая вперед плечи поклонился. Остафьев жестом поднятого вверх указательного пальца правой руки остановил гудение старосты:

– Не тушуйтесь, Илья Иваныч, мы здесь привыкли к простому обращению, без этикетов. Добро пожаловать. Не стойте, проходите. – По – хозяйски затянул он, медленно выступая из тени угла, являя собой подтянутого, смуглого, едва заметно поплывшего в талии отлично одетого мужчину. Сшитый на заказ темно-зеленый сюртук сидел на нем, как влитой. Узкие панталоны, обтянувшие крепкие ноги, заправлены в блестящие сапоги с английскими раструбами. Припудренная лысина обрамлена остатками седых завитков волос. Гладко выбритое лицо и ухмылка полных губ выделяли Остафьева из присутствующих силой и уверенной властью.

– Батюшка-с, видеть вас, голубчик, изволил-с. – Попытался пробиться сквозь повисшую тишину староста, и снова был остановлен господским жестом.

– Выйди вон, Степан.

Как только присутствующие проводили до двери семенящего будто прилипшими к полу пятками старосту, разговор был продолжен.

– Итак. – Начал барин, выступая в центр горницы, являя себя взору Богомолова в полный рост. – Вы вчера героический поступок совершили, друг мой.

– Григорий Павлович, я позволю себе остановить вас. – Илья вытянулся, и повинуюсь странному чувству, пошел навстречу Остафьеву, неестественно расправляя плечи. – Я оказался у реки совершенно случайно, услышал крик – поспешил помочь. Не раздумывал, кто тонет. – Выделил он.

– Это похвально. Смелость ваша будет награждена. Будьте покорны, я об этом позабочусь. Я доложу об вас начальнику штаба. – Перебрав на военный лад, ослабил Остафьев, обнажая белые ровные крупные зубы.

Илья промолчал, не отводя взгляда и не улыбаясь в ответ. Что-то в барине настораживало Богомолова больше его распутного поведения. В конце концов, когда помещики в деревнях жили по морали; нет, в этом господине, кроме душевной любви к молодым крестьянкам было еще что-то. И таилось оно на дне его черных глаз. С глухим колодезным шумом падали в них предположения Ильи. Одно за другим.

– Может, вы, Григорий Павлович, слышали об убитых на берегу Шоши? Каждый раз, при полной...

– ...Луне. – Перебил его Остафьев и поправив узкий воротничок, продолжил. – Нет, ваше благородие. Ничего вы здесь не найдете. Отрапортуйте начальству, что люди те, совершив смертный грех, утопи самостоятельно. По пьяни. И возвращайтесь к службе. Об этом я тоже доложу.

– Я бы не стал утверждать, что те мужчины утопились. Раны на их теле будто рвали, спины...

За спиной барина послышался шорох юбки и высокий женский голос разрезал воздух будто струной.

– Умоляю вас, Илья Иванович, хватит! Побойтесь Бога, здесь дети. – Настасья Львовна встала с лавки и картинно закрыла уши своему девятилетнему отпрыску, заинтересованно разглядывающему Богомолова.

«Актриса», – подумал тот, удивляясь, как в мгновение преобразилось её безжизненное лицо: малиновый румянец раскрасил щеки, искорки бесновались в глазах, губы поджаты, даже малюсенький виток черных волос непослушно выбился из тугой прически и улегся на цветной воротник.

– В самом деле. Не стоит, ваше высокоблагородие. Не стоит беспокоиться. – Подыграл жене Остафьев, пропуская её, торопящуюся к выходу.

Илья немного развернулся, и поравнявшись с Настасьей Львовной, вдруг замер. Нечто выпрыгнуло из глубин его памяти и закрыло сознание, будто пухлое облако солнечный цвет. Он как будто снова был в той реке, на глубине, под толщей воды, а сверху, пробивались неразборчиво голоса. Опомившись, Илья окрикнул барыню:

– Настасья Львовна, простите покорнейше! Не изволите помочь мне найти вышивальщицу?

– Вышивальщицу? С чего эта просьба, Илья Иванович?

– Невесте хочу подарок на свадьбу сделать. Ваш воротник очень искусно вышит. Не каждый день такое увидишь.

– Ваша правда, Илья Иванович. – Барыня смотрела прямо перед собой, будто раздумывая, какой сейчас дать ответ.

– Это матушки моей покойной, Царствие ей Небесное. В наследство осталось. Всего хорошего, до свидания!

Настасья Львовна поспешила скрыться за дверью, закрывая ладонью женщину в лодке, вышитую гладью на белом воротнике.

14.

Удушающий зной на Ильин день отступил. Теперь к обеду перестало тянуть горячим сухим ветром и только едва обдавало теплом разгоряченные плечи. Сено убрали зеленое, душистое, в самом цвету, ароматное настолько, что не хватало полной груди собрать весь его густой мед. Накрывая стога сырой осокой, чтобы сено не промокло, простояло до зимы, и уже потом его можно было по снегу привезти домой, мужики, не стесняясь друг друга, жмурились от удовольствия. К вечеру улицу протягивало непривычной свежестью, но уже не скошенного луга, а будто заблудившегося осеннего ветра. Он петлял растерянно по улицам, путался в женских юбках, хлопал ставнями, пугал засидевшихся птиц, поднимал пыль и наконец, будто вспомнив дорогу, уносился к реке.

У воды к вечеру без накидки стоять было зябко. Из деревни доносилось едва различимое в гомоне голосов бляение: крестьяне гнали к церкви свою скотину, чтобы в молебен перед иконой Ильи Пророка священник окропил их бока святой водой. Она не могла выудить из детской и отроческой памяти подобный обычай. «На Ильин день и камень прозябает», – сказала как-то старенькая нянюшка (она ещё, глупенькая, над ней посмеялась, уж больно смешно та шевелила иссохшимися губами), и через пару дней померла. Так и остался этот летний день на всю жизнь – горьким, как пиво, которое сейчас варили крестьянки, не поспевая таскать расписные братины, да дымящиеся пироги на расставленные уличные столы. Значение этих слов она поняла, только перебравшись в эти края: конец июля был холоднее марта.

Будто опомнившись, резко пригнулась: молодежь в нетерпении начать празднества по случаю уборки сенокоса выглядывала отцов, самые бойкие, окрикая друг дружку уже сбивались в кучки во дворах. Возбужденная ребятня рассыпалась по деревне, как горох, зазывая балалаечников, и все эти голоса струйками просачивались к реке. Она опасалась зря: на последнем дворе у берега было тихо. Легкий плес волн заглушил бы для случайного прохожего торопливый аккуратный шаг, а ветер будто намеренно заметал едва различимые следы на сером песке. Плотные стебли рогоза, тяжелея под плотной коричневой головкой, едва качнулись и снова замерли, ограждая свершающееся у кромки воды. Доносившийся с берега голос он рассеял на множество звуков, смешал с пронзительными криками хищницы-пустельги и разнес по самым темным уголкам земли.

«...растворятся седьмые небеса, сокатятся златые колеса, золотые, еще огненные...».

В доме Дрожжиных, как и в любом другом сегодня, стояло большое нетерпение. Молодицы, освободившись от приготовлений, давно наряженные и вспотевшие, измаявшись дожидаться отца семейства из церкви, ежеминутно хлопали дверьми:

– Идет?

– Не видать.

– Опоздаем! – Вскрикивали женские голоса, шуршали, шикали друг на друга, давая недолгой разряженной остывающим блинным духом тишине минуту, не больше, и снова кричали в такт скрипящих петель.

– Ну? Идёт?

– Нету.

– Опоздаем же!

Богомолв не вытерпел и переместился на задний двор. С церковной службы он безо всяких церемоний сбежал, как только перед ним сомкнулась толпа крестьян, страждующих испросить у иконы Ильи Пророка отёла да урожая. По дороге домой контуженное бедро принялось премерзко ныть. «К дождю видать, смотри-ка, не подвел святой» – подумал он, смуща-

ясь своего невольного богохульства в праздничный день, и одновременно радуясь впитанной в семье прогрессивности мышления. «Не идти на поводу ни у Бога, ни у черта – вот каким должен быть глава семейства. За каждую мелочь ответ держать. Не просить урожая, а бороться и сеять. Меньше говорить, а больше делать». – Любил повторять ему отец, выходя ночью, в Ильин день, на раннюю жатву вместо гуляний. Детей у Богомоловых больше не было, работать приходилось от зари до зари: остановить колесо земледельческих работ хотя бы на день означало голодную смерть. Илье не было и пяти, когда он, прежде покрутив в крошечных пальчиках красное гладкое зернышко озимых, определял будущий урожай и неся к отцу через всё поле: «Успели! Ужо, батя, иней не возьмет зерна! Ужо не повредит!».

Офицер обогнул бледно-зеленые капустные гряды, ток – небольшую площадку, где веяли зерно, и на самом краю огорода опустился на лавку, предназначенную, как говаривал Дрожжин, набивая трубку едким до невозможности «Жуковым», «для табака и уединенного размышления». Медленно размял бедро, пока из – под шрама не начала разливаться приятная боль. Потом разложил на коленях тряпичный сверток и в третий раз с Вариного исчезновения принялся всматриваться в узор оставленного пояса. Его концы украшали зеленые шерстяные помпоны, а узор повторял тканую роспись воротника Остафьевой один в один. Те же молочные гладкие капельки речного жемчуга, те же красные нити вышивки, лодка, женский силуэт в длинной юбке и идущие от её рук лучики прямо в пасти не то рыб, ни то хищных животных. Ошибиться невозможно: эта вышивка сделана рукой одной мастерицы.

Внутри неприятно сжалось сердце. Солнце пятилось на запад, оставляя размытые лужицы розовых следов. Он почувствовал, что такие же точно оставила Варя в его душе. Богомоллов поднял глаза на внезапно оживившийся вдалеке двор, видимо из церкви вернулись, и, негромко цокнув: «Вот Остафьева, вот шельма», резко обернулся. Высунувшись по пояс из-за бани, его разглядывала Катерина – старшая из сестёр Дрожжина.

– Я, Илья Иваныч, вам сказать хотела, – сбрасывая с щек невидимый румянец, тряхнула она убранный головой, – брат вернулся и говорит, что отправляться пора.

– Слышу. Спасибо.

Будто подтверждая сказанное, со стороны дома разнесся громкий мужской окрик: «Катя!» и девушка, бросив в ответ: «Иду!», скрылась.

15.

В тот момент, когда Богомоллов соглашался остановиться у вдовца, он не знал, что кроме него в доме живут три молодые девицы: Машенька – двенадцати, Ольга – пятнадцати и Катерина – семнадцати лет отроду. Обнаружив это в день своего приезда, он предложил от Дрожжиных съехать. Непременно пойдут толки, некрасивые, как речная вонючая жижа. Но это пусть. Чего действительно не мог перенести Богомоллов: семейное притворство, комбинации, которые пытались разыграть родственники молодых девушек. В городах, куда его командировали всегда находились оневестившиеся дочери разорившихся купцов или небогатых служащих. В комнатах, куда его невзначай приглашали выпить чаю, было душно и напудрено все: от слов до внутренней обивки малахитовой шкатулочки, выставленной на всеобщее обозрение рядом со скудной библиотекой – обычно единственной фамильной драгоценностью. Он маялся от непонимания, как отказывать, глядя в заискивающие материнские глаза, непременно явиться снова, как обходиться с девушками, каким словом дать понять отцам семейств, что он – не выгодная партия, а их дочери – не товар на ярмарке. Вся эта брачная суматоха была ему противна до омерзения, и Дрожжин, услышав предложение Ильи, это понял. «Ты – человек живой, видно, честный. Оставайся, а Катерину я чем-нибудь займу». – Сказал он тогда, протягивая руку рослому скуластому унтер-офицеру в выцветшей военной форме.

Ничего у него не вышло: не прошло и недели, Катерина сделалась грустна и молчалива. Успеть со сватовством надлежало до Петрова поста, но Илья как будто ослеп: уходил с крестьянами рано утром и никогда не возвращался один. Вечерами, пропуская Дрожжина вперед, крихтя, умывался холодной водой, вытирался поданным вышитым Катериной рушником и прятался в единственной закрытой горнице. Не смотрел девичьи хороводы, не сидел за общим столом на гуляниях, работал, составлял бумаги, возил их в город, да пропадал на реке за «поисками душегбца». Месяц спустя, едва вечерами кончали раскладывать в середе по полкам чистую посуду, Катерина убежала подолгу плакать в бане, отчего за июль сделалась страшно некрасива. Нос раздался, руки от работы загубели, стан высох, по красивым точеным скулам будто мазнули углем. Солнце завершило картину, сделав складки нежной кожи на локтях и шее грязно-зелеными. Прибыв как-то на ярмарку в Низовку из Воскресенка, их бабка Прокофьевна заорала с порога: «Ишь, испортили мне девку!» и целый вечер упрашивала выпроводить Богомоллова долой или заставить жениться на влюбленной Катерине. Мол, горя по осени не оберешься. В ответ Дрожжин сурово качал головой, а потом и вовсе разом прекратил разговоры о женитьбе гостя, со всей силы дав мясистым кулаком по столу и бросив одно только: «Оставить!». Илья был скромным, справедливым человеком, живущим по чести, и к собственному хорошо скрываемому стыду, Дрожжин понимал, что сестре никогда не добраться до такой нравственной высоты. Он отругал Катерину за пошлость мыслей, и с тех пор в доме об их сватовстве никто не заговаривал.

Офицер встал, чувствуя, как нарастает боль. Медленная, томная, поначалу пугливая, а через несколько шагов, окрепшая и ясная. Он свернул пояс, дождался, когда огненная стрела спустится, как бывало ни раз, к пятке, и, едва ступая, пошел в дом. На празднование они выдвинулись разом, оставив только ревущую от несправедливости младшую Машу, смотреть за скотиной.

На улице в центре селения был устроен небольшой базар. Богомоллов слез с телеги, на которую пришлось забраться из-за усиливающейся хромоты, и осмотрелся. Народу было много. Ильин день был едва ли не единственным поводом остановить поток забот о жнивьё, пахоте, отёле и порадоваться редкому отдыху. В этот день низовские выходили целыми семьями, радушно встречали гостей с окрестных деревень и даже незнакомым предлагали местное угощенье. Парни в жестких крахмальных рубашках, сюртуках, штанах на выпуск и

смазных сапогах, подбоченься, с деланными усмешками поодаль выглядывали наряженных девиц. Те сидели на большом обтесанном бревне. Маменьки за накрытыми столами впервые за день, шумно выдохнув усталость, принимались за еду. Сердовые – крестьяне среднего возраста, – покуривая, беседовали меж собой и обменивались новостями.

Звуки голоса, смеха, музыки, топота, лошадиного ржания, птичьих переливов наводняли улицу, будто реку весенние ручьи. Её сильным течением мысли уносило, убаюкивая. Илья только запил жирный пирог пивом, как вдруг у самого уха в воздухе заплясали мелодичные переливы. Сидевший рядом парень, курчавый, усатый, в яркой зеленой фабричной рубахе, аккуратно пристроил на одном колене минорку – особую местную гармонику. Гул на секунду замер. С каждым мгновением мехами минорки раздувало задор и веселье, парень, отвернувшись от стола к улице, отбивал сапогом такт и лукаво посматривал в сторону девушек. Колеблясь не больше минуты, одна из них встала:

«Мне папаша – бусики,
Мне мамаша – бусики,
Я милого полюбила за витые усики».

Девушки рассыпались хохотом, а паренек с миноркой встряхнул жесткими кольцами кудрей и еще пуще принялся орудовать мехами. Гармонь набрала силу, задышала. Вместе с ней девушка, сделав шаг вперед, обратилась к толпе:

«Дайте, дайте мне пилу,
Я рябинушку спилю,
На рябине желтый лист,
Мой миленок гармонист!».

Снова раздался смех, за столом зашумели, закивали, кто-то хлопнул кучерявого по плечу. Эта незатейливая игра между гармонистом и девушкой продолжалась какое-то время. Илья расслышал их имена: Павел и Аксинья. Легкость, с которой крестьяне отдавались отдыху, радовались тому только, что в жизни есть лето, птицы, деревья, убранные зеленым шелком, земля, как плодovitая матушка, работа и кров дарили покой и едва уловимую надежду на то, что все будет хорошо. В первый раз за вечер боль в ноге отпустила. Он сидел не шелохнувшись, квелый, захмелевший, оперев локти в колени, и с интересом наблюдал, как сближаются гармонист и девушка. Пропев несколько прибауток, она уже стояла в центре площади, полукругом окруженная молодежью, и пела исключительно для него.

«Я тогда тебе поверю,
Когда встану под венец».

Тут кто-то взял в руки пузатый гудок, трехструнку, похожую на скрипку, подсел к гармонисту, они обменялись быстрым взглядом, и в следующую секунду уже раздалась новая порывистая хороводная мелодия. В центр площади суетливо начали сбегаться парни, разбирая девушек из полукруга на пары. Они вставали друг за другом лицом к музыкантам. Полная хороводница затянула «Плетень» и подняла руки стоящих первыми парня и девушки, образуя ими дугу. Через неё друг за другом начали пробегать пары, стоящие позади, расплетаясь сразу перед музыкантами, как того требовал мотив песни, и соединяясь снова позади первой пары.

«Во меду, во патоке,
И в явстве сахарном,

Я дам старикам Киселя с молоком;
Красным молодкам шелковую плетку;
А нашим девицам белил и румян.
Расплетайся, плетень, расплетайся!"

Первая пара опустила дугу из рук, так, что с каждым кругом выбегающим приходилось наклоняться все ниже и ниже. Молодые выныривали из-под дуги, запыхавшись, веселые, румяные, визжащие. Богомоллов разглядывал их лица, отмечая про себя знакомых, вспоминая их имена. Низенький – Костров, дальше Ванька, сосед Дрожжина, Горшковых сын, рябая бойкая Аглая бежала с незнакомым крепким парнем, Маня, местная красавица. Выбежала неприятная Илье дочь кучера Городецких, которую он встретил у реки с барчуком. Лица мелькали, пары перетекали с места на место, хороводница все «расплетала» их, пошел шестой куплет хоровода. Тут в самом конце промелькнула черная коса. Илья присмотрелся. В ручейке пар появилась незнакомая девушка, он понял это по тонкой кисти её свободной левой руки, которая не лежала на поясе, как у остальных, а свободно парила, в такт музыке, будто показывая на свое расположение. С каждой новой парой разбегающихся к офицеру вместе с рукой приближалось нечто неясное из глубин памяти. И в тот момент, когда перед сидящими оставалось только двое ребят, он вспомнил свой первый день в Низовке, и одновременно с этим из – под дуги вынырнула Варя. Отпуская руку сына Горшковых, свободной она бросила ошарашенному Илье под ноги веточку кукушкиного цвета с остренькими розовыми лепестками, и одними губами промолвила: «Уходи».

16.

Илья рванул со скамьи, едва не упав. Боль в ноге вернулась и усилилась. Он сделал шаг, преодолевая её и пытаясь уследить за удаляющимся синим сарафаном на широких красных лямках-нашивках из набивного ситца. На голове Вари была повязана широкая лента – венец. Его завязанные у основания шеи концы, густо украшенные жемчугом, лежали на спине и тяжело качались в такт быстрому шагу. Мгновение, за которое Варя обогнула все пары, встав в конец хоровода, Илья провел в забытьи. Голос. Как же он не узнал его раньше! Тонкий, уверенный, сбивающийся в конце, будто хозяйка опускает подбородок и поднимает снова. «А, теперь стой!» – думал он, тяжело опираясь на здоровую ногу, – «сейчас ты от меня не спрячешься!». Хохот, разговоры, музыка слились воедино и были неразличимы. Илья успел заметить бледный круг полной луны, как его толкнул в спину грузный высокий Мещеряков.

– Ваше благородие! – Обернулся он на ходу, обгоняя Богомолова и делая вид будто снимает шапку.

– Осторожней. – Буркнул ему унтер – офицер, теряя из виду жемчужные ленточки, которые едва переливаясь в остатках солнца служили ему маяком.

Он осмотрел быстро двигающиеся пары. Аглая, Костров. Аксинья и Ванька Горшков. Вера с каким-то усатым. Мария Чуркина с женихом. Катерина и недавно откомандированный Ряполов. Городецкая Вера и Мещеряков, будь он неладен! Вари нигде не было. Он прошел вдоль их колонны несколько раз, перебрал в голове всех знакомых по именам, внимательно осмотрел незнакомых, прошел к музыкантам, наблюдая, как, взвизгивая, расплетаются пары. Не выпуская из вида хоровод, прошел до пустого бревна, осмотрел длинный стол, мужиков, собравшихся чуть поодаль покурить, тонкие фигурки улыбающихся бесцветными глазами старичков. Нигде не было синего сарафана с красными ситцевыми лямками.

Отчаявшись и разозлившись на себя окончательно, Илья подошел и с шумом опустился рядом с потягивающим в одиночестве трубку на самом краю стола Дрожжину.

– Хорошо тебе, а, Спиридон?

– Не жалуюсь, Илья Иванович.

– Варя была здесь. Видел её своими глазами, сарафан синий в маленький желтый цветок, венчик.

Дрожжин вздрогнул, посмотрел на вьевшуюся в складки потрескавшихся рук грязь, раздумывая, что ответить, сплюнул куда – то за лавку и только тогда протянул:

– Нет, Илюша. И я не видел, и мамки бы уже давно растрепали. Да и что им тут делать, сам подумай. Там на фабрике плотют хорошо, довольствие. Устроила их Настасья Львовна честь по чести. Дом заколочен стоит, сам сегодня видел, у меня там ванды стоят. – И, нагнувшись к офицеру, понизил голос. – Ты б может еще б к кому присмотрелся, ась? Ну раз не Катерина, вон Манька, Беспалова дочь, всем хороша. А лицо? Мадонна!

– Спиридон! – Перебил его Илья, не обращая внимания на намеки. – Она здесь. Я её видел.

– Эка ж ты, благородие! – Он весело поднял указательный палец, зажимая трубку остальными, и, раскашливаясь, рассмеялся. – Нет здесь никого.

– Не веришь мне?

– Верю. Верю, Илюша. Верю. – Сказал Дрожжин, нехотя вставая и осматривая, пляшущих, – Черт бы их всех побрал, а. Хочешь, пойду поспрашиваю? Ну?

– Иди.

– А найду, к тебе вести? – Он улыбнулся.

– Рядом буду.

– Ох, проклятая, извела тебя.

– Мне в контору что прикажешь писать? – Резко перебил его Богомолов. – Что де свидетелей двум убийствам нет? Уехали? Что плотют им там на фабрике? А Маклаковой что сказать? Что никаких следов преступника – убийцы их сына не удалось найти?

– Есть, Ваше Высокоблагородие! Разрешите ...

– Спиридон! – Взмолился Илья, голова шла кругом.

Дрожжин махнул рукой, придал лицу как можно более равнодушное выражение и подошел к состоявшей из семи мужиков компании. Один из них, невысокий кругленький только закончил скручивать папиросы, сидел на лавке и, похлопывая по колену в такт музыке, подпевал хороводнице. Илья не слышал разговора мужичка с Дрожжиным, но даже издали было видно: о Ковалевых он давно ничего не слышал. Крестьянин подозвал сидевшую с товарками жену и та, уперев руки в бока, недолго что-то отвечала Спиридону и в конце, разразившись смехом, отошла. Богомолов не стал дожидаться ответа – кроме него снова никто ничего не видел.

Развернулся и пошел с площади прочь. Внутри жгло странной обидой: он видел Варю своими глазами, он тонул тогда в реке, утаскиваемый на дно невиданной силой, и все эти убийства, он чувствовал очень отчетливо, были не так просты, как ему твердили все: от Остафьева до земского исправника-начальника сельской полиции. Казалось, будто хотели, чтобы он перестал доверять себе и уехал. Богомолов вышел на плохо освещенную дорогу и пошел по улице мимо домов с незапертыми ставнями. Редко из какого окна пробивался свет лучины: даже оставленные дома дети давно убежали на праздник. Подступал осенний холод, пахло готовкой, подпревающей соломой. Откуда-то тонко тянуло горьковатой душицей. Илье показалось даже, что горечь эта идет из самой его души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.